IV Очередной Всероссийский социологический конгресс

Социология и общество:
глобальные вызовы и региональное развитие

4

Круглый стол 4

Социальное благополучие и счастье

Балабина Н. А., Владивосток

Чувство страха как неотъемлемая часть нашей жизни

Аннотация В статье рассматриваются ситуации, в которых страхи проявляются в большей или в меньшей степени, с целью дальнейшей разработки способов подавления и управления социальными страхами. Основная задача - определить основные типы социально – психологических страхов, которые преобладают среди россиян сегодня (на примере жителей Приморского края).

Ключевые слова: социальный страх, катастрофическое сознание, эмоции, социальный риск, социальное настроение

Страх, как чувство, которое может принимать различные формы – от легкого беспокойства, до безотчетного ужаса во всем своем многообразии сопровождает человечество на всех этапах его исторического развития. Причем, в ситуациях быстрых перемен, в какой бы то ни было сфере жизни, в ситуации кризиса, разрушения, или просто неопределенности, чувство страха обостряется, а иногда и выходит на лидирующие позиции среди других чувств. Тем не менее, сегодня человеку приходится жить как раз в таком сложном, быстро меняющемся мире, постоянно сталкиваться с чем-то новым, часто неопределенным и непонятным, что приводит к часто непредсказуемым последствиям.

Последние несколько лет выдались кровавыми, даже если не учитывать природные катаклизмы, которые стали причиной различных страданий разного уровня. Пока рано подводить итоги 2012 года, но только в 2011 году мир пережил наводнение в Австралии в январе, где погибли несколько десятков человек, в феврале - землетрясение в Новой Зеландии, в мае в Исландии снова проснулся вулкан. Затем землетрясение и цунами в Японии. По состоянию на 2 декабря 2011года официальное число погибших в 12 префектурах Японии составляет 15 840 человек, 3546 человек числятся пропавшими без вести в 6 префектурах, 5951 человек ранены в 20 префектурах. Юг России весной пережил наводнения, в Магадане в мае шел снег, а лесные пожары прошлись по Сибири и Дальнему Востоку. В США

с начала года торнадо унесли жизни 523 американцев. За прошедшие 10 лет по той же причине в США погибли «всего» 564 человека. Проливные дожди, обильные снегопады, чудовищные наводнения и сильнейшие засухи - признаки новой экстремальной погоды, которая стала наблюдаться постоянно из-за изменений климата. Причем, ученные утверждают, что климатические изменения продолжатся, а катаклизмы перестанут считаться природной аномалией. Учёные строят множество моделей развития, и радужных среди них нет. Так, утверждается, что Земля вступила в фазу повышенной сейсмической и вулканической активности, и в ближайшее время нам предстоит пережить новые масштабные катастрофы[1].

Так же не прекращаются военные столкновения, революции, террористические атаки. У всех на слуху беспорядки в Лондоне и в Париже, массовые народные движения в Северной Африке и на Ближнем Востоке, погром на Манежной площади, атака террористов на Норвегию, взрыв в минском метро, падения самолетов, заказные убийства, дорожно-транспортные происшествия и многое другое. Таким образом, сегодня человек нигде не может чувствовать себя в безопасности.

Кроме того в России не прекращается реформирование: с 2011 года в российских школах началась довольно противоречивая масштабная реформа старшей школы[2], в рамках которой будет уменьшено количество образовательных предметов в пользу нравственного воспитания детей. 1 марта 2011 вступил в силу новый закон «О полиции», ключевым пунктом которого должно стать сокращение численности сотрудников органов внутренних дел на 20%. Помимо этого, готовятся или уже вступили в силу реформа электроэнергетики, налоговая реформа, реформа железнодорожного транспорта, реформа системы государственных и муниципальных закупок, пенсионная реформа, реформа бюджетных учреждений

Настоящее время не лучшее для России, которая живет в состоянии экономического, духовного, политического кризиса, находится в постоянном напряжении по причине своей многонациональности, что приводит к этническим, религиозным конфликтам. Подобное положение в стране и мире вызывает дестабилизацию общества, социальное настроение которого можно назвать сейчас подавленным, угнетённым (о чём говорят многочисленные социологические исследования, публикации в средствах массовой информации)[3]. Граждане России не чувствуют себя защищёнными, следствием чего, вероятно, является отсутствие уверенности в будущем, что в свою очередь порождает социальный пессимизм и, более того, страх.

---

[1] *Деветьяров А.* Климатическая лихорадка: катаклизм за катаклизмом // Ореанда-Новости: Аналитика.- URL: http://www.oreanda.ru/ru/news/20110613/common/popnews/article556927 (Дата обращения 17.06.2012).

[2] Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования. Проект стандарта разработан Институтом стратегических исследований в образовании Российской академии образования. Руководители разработки проекта: Кезина Л.П., академик РАО; Кондаков А.М., научный руководитель ИСИО РАО, член-корреспондент РАО.

[3] ВЦИОМ: Главный страх – безработица.- URL: http://www.hrmonitor.ru/index.php?p=9&pname=news&news_id=5477 (Дата обращения 10.06.2012). Пресс-выпуск №18: Страхи россиян. - URL: http://www.levada.ru/press/2004021601.html (Дата обращения 10.06.2012).

Страх переходит из категории, используемой в контекстах исследований различных социальных проблем, в ключевую категорию осмысления современности. Если чувство страха становится постоянной характеристикой сознания, можно говорить о формировании катастрофического сознания. Уровень катастрофизма в обществе существенно влияет на стратегию поведения индивидов в обществе, а, следовательно, на жизнь нации. Вера в грядущую катастрофу и страх перед ней, проистекающий из этой веры, так же непременные составляющие катастрофического сознания. В массовом сознании страх отражается как набор различных по масштабу и последствиям воздействия опасностей и угроз, а социальный страх, трактуется в широком смысле как страх социальных объектов или ситуаций социального взаимодействия. Речь идет о социальных страхах как конгломерате разнообразных, как по силе, так и источникам, опасностей. С одной стороны, массовые социальные страхи - это результат функционирования современного общества, с другой стороны, страхи возникают в процессе адаптации к изменениям среды, мобилизуют противодействие и преодоление опасностей и угроз существованию индивидов и групп[1].

Интерес к данной проблеме вызван тем, что страх, являясь базовой эмоцией, наравне с другими эмоциями[2] участвует в управлении индивидуальным и коллективным поведением человека в качестве непроизвольного компонента, вмешиваясь в него как на стадии осознания потребности и оценки ситуации, так и на стадии принятия решения и оценки достигнутого результата. Поэтому понимание механизмов управления поведением требует понимания и эмоциональной сферы человека, ее роли в этом управлении, а изучение страха в рамках социологии эмоций имеет важные последствия для общей социологической мысли[3].

Тема страха на сегодняшний день, безусловно, актуальна, так как, как было сказано выше, сегодня человеческая деятельность на всех уровнях социальной организации в той или иной степени пронизана осознанием риска. Это одно из следствий свободы выбора. Признается, что без риска невозможен прогресс, движение вперед, именно поэтому важно его осознавать и уметь управлять им[4].

Доказательством того, что страх является проблемой, значимой для социологов всего мира, служит растущее число исследований, посвященных его изучению как в России, так и за рубежом[5]. Однако обобщать результаты еще рано из-за несопоставимости полученных данных, возникающей

---

[1] *Витковская М. И.* Социальные страхи как предмет социологического исследования : Дис. канд. социол. наук : 22.00.01 Москва, 2006, 182 с. РГБ ОД, 61:06-22/521.

[2] *Джордж Дж.М.* Эмоции и лидерство. Роль эмоционального развития// Социология РЖ.- 2002.- №2.- С.122.

[3] *Макс Вебер* о феномене страха - URL: http://www.univer.omsk.su/omsk/socstuds/fearfenomen/ (Дата обращения 12.09.2011).

[4] *Зубков В.И.* Проблемное поле социологической теории риска // СоцИС. – 2001. – №6.- С.123.

[5] *Долливер М.* Тайные страхи // Индустрия рекламы. - 2006. - № 1-2. – С.50-53. *Ферран И. О* зависти: феноменологическое исследование // Социология РЖ. - 2008. - №4 . - С.75. *Черныш М.Ф.* О страхах и фобиях реальных и мнимых. Размышления социолога // СоцИс. -2008. - №04. - С. 112-119.

за счет различия в методиках исследования и организации их проведения. Это имеет отношение и к изучению страхов в России, где в настоящее время появился ряд принципиально новых форм девиаций, которые не имеют культурных корней, но пришли к нам вследствие открытости социума за последние 20 лет. Это наркомания, работорговля, торговля человеческими органами, игромания, нацизм, расизм и другие[1]. Чувства страха и тревоги сегодня не локализуются в рамках определенной социальной группы или групп, их испытывает большинство наших сограждан, независимо от пола, возраста, дохода и т. п.[2]

Страхи модифицируются в зависимости от обстоятельств места и времени, и нашей целью является выявление тех ситуаций, в которых страхи проявляются в большей или в меньшей степени, чтобы в дальнейшем разработать способы подавления и управления социальными страхами. Основная задача данной работы - выявить основные типы социально – психологических страхов, которые преобладают среди россиян сегодня (на примере жителей Приморского края). Объектом данного обследования являются жители Приморского края в возрасте от 16 лет и старше. Жители Приморья выбраны в качестве объекта обследования неслучайно: кроме того, что население подвержено всем волнениям, которые происходят в России, Приморский край является пограничным регионом России, что не может не оставлять след на эмоциональном самочувствии граждан, особенно после катастрофы в Японии и довольно неспокойной обстановке в КНДР. Кроме того, в последнее время во Владивостоке идет подготовка к Саммиту глав государств и правительств АТЭС, который пройдет в начале сентября на острове Русский.

Объектом исследования является явление страха во всем своем многообразии видов, при этом, акцент сделан на социальном страхе. Предмет исследования - страх как фактор социального поведения.

В качестве метода сбора информации использовано анкетирование, позволяющее сохранить анонимность респондента и собрать большой объем информации за сравнительно небольшой промежуток времени.

Исследование было проведено на территории Приморского края зимой 2011-2012г. В опросе был использован квотный отбор. Величина генеральной совокупности 1679830[3] человек в возрасте от 16 лет, населяющих край. Из них мужчин – 792345 человек, женщин 887485 человек. Всего получилось 6 групп с возрастным интервалом 5-10 лет. Величина выборочной совокупности пропорциональна генеральной по каждой страте, и, в общем, составляет 500 человек при стандартной 5-ти процентной ошибке. Опрос был осуществлен в разных районах края в долевых отношениях по каждой серии.

---

[1] *Кравченко С.А.* Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // СоцИс.- 2010. - №10.-С.16.

[2] *Горшков М.К.* Фобии, угрозы, страхи: социально – психологическое состояние российского общества // СоцИс. – 2009.- С.29.

[3] Не учитывается население младше 16 лет.

Респондентам было предложено ответить на вопрос о том, какие из предложенных явлений вызывают у них чувство страха, тревоги, а какие лишь некоторое беспокойство или же не беспокоят вовсе. В результате, распределение ответов показало, что лидирующие места занимают страхи, тем или иным образом связанные с медицинским обслуживанием. Подавляющее большинство – 75,5% респондентов испытывают тревогу из-за сокращения доступа к бесплатному медицинскому обеспечению, а 71, 3% опрошенных недовольны качеством предоставляемых медицинских услуг. Следует заметить, что 56,1% респондентов предпочитают пользоваться услугами частной медицины, отмечая при этом, в частных клиниках приветливый персонал, внимательные и компетентные врачи, заинтересованные в том, чтобы пациенты обращались к ним вновь и приводили новых клиентов. В тоже время, 37,9% респондентов обращаются за медицинской помощью в государственные клиники, так как «дешево», «там врачи быстрее вылечат, только чтоб больше не отвлекал их»[1].

Рост цен на товары и услуги тревожит 72,2% опрошенных, причем, не выявлено различий в ответах малообеспеченных, среднеобеспеченных и обеспеченных. Низкий уровень жизни значительной части населения сильно беспокоит 63,3% респондентов. Также отметим, что при ответе на другой вопрос анкеты, социально-экономическую ситуацию в стране респонденты назвали кризисной (49,6%), катастрофической (36,0), и только 12,9% - нормальной, в случае же еще большего ухудшения ситуации, 41,1% респондентов примут решение о переезде в другую страну на постоянное место жительства, а 36,6% респондентов планирую искать дополнительный заработок.

Далее следует упомянуть страх, направленный на сферу образования. Сокращение доступа к бесплатному образованию волнует 68,4% респондентов, а 61,9% недовольны качеством образования.

Рост нерусского населения на территории России тревожит 65,5% опрошенных. По данным Федеральной миграционной службы России по Приморскому краю за последние 5 месяцев 2012 года на миграционный учет в крае поставлено 111710 иностранных граждан, причем подавляющее большинство из них состоят на учете в г. Владивостоке. Увеличению миграционных потоков благоприятствует относительно мягкий климат, бесконфликтная этноконфессиональная обстановка, но главным образом – наличие рабочих мест на стройках саммита АТЭС.

Рост преступности страшит 58,3% респондентов. Следует отметить, что никогда не чувствуют себя в безопасности 17,3% респондентов, во время массовых мероприятий незащищённо себя чувствуют 30,9% опрошенных. В больницах и поликлиниках, в магазинах, на улицах, в государственных учреждениях, в транспорте - нигде респонденты не чувствуют себя в полной безопасности.

55,4% опрошенных сильно беспокоит рост числа детей – сирот, большое количество беспризорных и безнадзорных детей. Такой же процент респондентов в качестве тревожного явления отметили рост пре-

[1] Стиль высказываний респондентов сохранен.

ступности среди детей и подростков. Сложно назвать точное число беспризорных и безнадзорных детей в Приморском крае, так как данные об их количестве в Приморском крае различны, но при этом единодушно отмечается, что в последние годы количество таких детей увеличивается. Что же касается подростковой преступности, то согласно данным, предоставленным Управлением по координации правоохранительной деятельности Приморского края, число совершенных преступлений несовершеннолетними снижено на 10,1%.

Снижение морали и нравственности в качестве тревожного явления отметили 51,8% респондентов, а 45,4 – падение семейных ценностей.

Коррупция и засилье бюрократии тревожит всего 47,5% и 45,6% респондентов соответственно, что несколько удивительно, учитывая частоту упоминаний данных проблем в СМИ. При этом 25,9% опрошенных признались, что сами уже предлагали взятку, а 46% ответили, что готовы предложить в случае, если другого выхода не будет. Только 18,7% респондентов никогда не предлагали и уверены, что не предложат взятку в дальнейшем.

Следует отметить так же, что 49,6% опрошенных уверены в своем будущем. В то же время 83,3% респондентов хотели бы в корне изменить свою жизнь, 74,8 чувствовали, что дальше так жить нельзя, 69% чувствовали стыд за состояние своей страны.

Конечно, страх это боязнь чего-то опасного, происходящего прямо сейчас, – в отличие от тревоги - боязни чего-то плохого в будущем. Страх обычно острее тревоги.

Но и чувство тревоги и чувство страха - это неприятное чувство ощущения риска или опасности вне зависимости от того реальны они или нет, именно поэтому в данной статье чувство страха и тревоги приводятся во многом как одно и то же чувство. Жизнь человека сопряжена с регулярным переживанием этих эмоций. Взрослый человек склонен адаптироваться к своим негативным эмоциям. Однако переживаемый страх существенно ограничивает внешнюю и внутреннюю свободу человека, лишает многих возможностей, а зачастую приводит к необратимым последствиям.

Он ослабляет волю, ведет к безрассудному поведению, и вместе с тем страх может быть полезен, так как предупреждает об опасности, способствует выживанию. Так, страх перед ядерной войной объединяет усилия народов в борьбе за мир, страх перед нарушениями экологического баланса объединяет людей в движение «зеленых», борющихся за восстановление экологического равновесия между человеческим обществом и природой. Волонтеры создают фонды помощи беспризорным детям, пытаясь тем самым сделать все для того, чтобы облегчить их жизнь. Страх перед такими явлениями как алкоголизм, наркомания, игромания заставляет людей контролировать хотя бы свое окружение, боязнь обмана в ЖКУ, милиции, больнице или в любой другой организации дает силы контролировать расходы, изучать тонкости законов, составления документов и многого другого.

Библиографический список

1. Батыгин, Г.С. Лекции по методологии социологических исследований / Г.С. Батыгин. М.: Аспект Пресс, 1995.
2. Витковская И.Теоретико-методологические проблемы изучения «страха» в социологии // Вестник РУДН. 2003. № 4-5.
3. ВЦИОМ: Главный страх – безработица.- URL: http://www.hrmonitor.ru/index.php?p=9&pname=news&news_id=5477 (Дата обращения: 10.06.2012).
4. ВЦОИМ: Пресс-выпуск №18: Страхи россиян. - URL: http://www.levada.ru/press/2004021601.html (Дата обращения: 10.06.2012).
5. Гимпельсон В., Капелюшников Р., Ратникова Т. Велики ли глаза у страха? Страх безработицы и гибкость заработной платы в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. №4.
6. Горшков, М.К. Фобии, угрозы, страхи: социально – психологическое состояние российского общества // СоцИс. 2009. №3.
7. Деветьяров А. Климатическая лихорадка: катаклизм за катаклизмом // Ореанда-Новости: Аналитика.- URL: http://www.oreanda.ru/ru/news/20110613/common/popnews/article556927 (Дата обращения 17.06.2012).
8. Долливер М. Тайные страхи // Индустрия рекламы. 2006. № 1-2.
9. Зубков В.И. Проблемное поле социологической теории риска // СоцИС. 2001. №6.
10. Иванова, В.А. Страхи и тревоги россиян: «западники» и «традиционалисты» / В.А.Иванова // СоцИс. 2002. № 3.
11. Иванова, В.А., Шубкин В.Н. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // СоцИс. 2005. №2.
12. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века. По материалам научных исследований / Под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина и В.А. Ядова. М.: МОНФ, 1999.
13. Кравченко С.А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // СоцИс. 2010. №10.
14. Макс Вебер о феномене страха - URL: http://www.univer.omsk.su/omsk/socstuds/fearfenomen (Дата обращения 12.09.2011).
15. Ферран И. О зависти: феноменологическое исследование // Социология РЖ. 2008. №4 .
16. Черныш М.Ф. О страхах и фобиях реальных и мнимых. Размышления социолога // СоцИс. 2008. №04.
17. Энциклопедия социологии /сост. А.А. Грицанов. М.: Книжный Дом, 2003.

Карабчук Т. С., Москва

Карьера или дети: что делает женщину счастливее?

Аннотация

Статья посвящена анализу влияния наличия работы и детей на удовлетворенность жизнью и счастье женщины. Какие женщины считают себя более счастливыми – те, которые имеют хорошую работу или те, кто имеет несколько детей? Какой фактор ключевой для определения социального благополучия женщин и есть ли какие-то отличия по странам?

Анализ строится на базе данных Всемирного исследования ценностей с 2000 по 2009 года, в которое входит 89 стран. Работа основывается на теории модернизации Р. Инглхарта, теории ценности ребенка, и теориях посвященных выходу женщин на рынок труда. В работе также используются данные European Values Survey 2000-2009 гг., также данные экономической и демографической статистики разных стран 2000-2009 гг.

Предварительные результаты свидетельствую о том, что возраст женщины играет немаловажную роль. Женщины до 35 лет больше удовлетворены в жизни, если у них есть работа, тогда как женщины после 35 лет более счастливы, если у них есть дети. На основе многоуровневого регрессионного анализа было получено, что работающие женщины из постсоветского пространства в целом меньше удовлетворены жизнью и чаще относят себя к менее счастливым людям, чем женщины и развитых стран.

Career–Fertility Combinations among Women and their Effect on Life Satisfaction

Keywords: females, happiness and life satisfaction, job, children, comparative study

The paper deals with life satisfaction among women depending on their status on the labour market and number of children they have. The previous research of 1990s showed that the prospects for a good career decrease the probability of the parenthood (Bloom and Trussell 1984; Kiernan 1989; Jacobson and Heaton 1991; Maxwell 1991; Brewster, 1994; etc.). These tendencies are true for the 2000s as well: however the female employment rates vary from 33% (in 1994 for in Italy) to almost 77% (in 2008 in Finland) the overall tendency towards female employment growth is clear. Kielcolt is right to follow Hochschild that women's sustained movement into the paid labor force impels the hypothesis that the rewards of work have increased relative to those of family life (Kiecolt, 2003). Work has become a major source of satisfaction for women, as it is for men. But at home, women still bear primary responsibility for house-work, and work/family conflict adversely affects family functioning (Coltrane, 2000; Glass & Estes, 1997).

Along with the growth of female employment "every developed society has witnessed a substantial decline in fertility rates from well above replacement levels (3.5 children or more) to well below (2 children or fewer)" (Davis, Bernstam, and Ricardo-Campbell 1987). According to the World Bank data world fertility rate went down from 2,8 in 1995 to almost 2,5 in 2009. One of the reasons could be the difficult and longtime reentering the labour market for women and this may discourage them to have the second and the third baby (Hoem & Hoem, 1989; Kravdal, 1992).

On the one hand a large amount of articles make focus on the effect of the increased female employment on fertility rate as a result of the higher opportunity costs associated with the participation on the labor market (Becker, 1991; Cigno, 1991; Ermisch, 2003; Michaud and Tatsiramos, 2008). On the other hand huge piece of literature investigates the effect of fertility on employment (Browning, 1992; Nakamura and Nakamura, 1985; Carrasco 2001; Michaud and Tatsiramos, 2008), at the same time some papers show that "the size of the effect of additional children on labor supply depends crucially on how past labor supply and existing children are accounted for" (Michaud and Tatsiramos, 2008). Unfortunately we

do not have many publications on the issue of female life satisfaction and happiness questioning the employment status and number of children they have. This paper seeks to fill the gap.

Are women satisfied with their life in case they have good careers but no children? Are women with children but no jobs the happiest group? Are there any differences across the countries? These are the questions the paper is going to tackle.

In a border context this paper relates to the Life satisfaction theory, Labor Force Participation of Married Women (Mincer, 1962), Theory of the Value of Children (Hoffman and Hoffman, 1973; Friedman et all, 1994), and the Theory of Allocation of Time (Becker, 1965) "The value of children derives from their capacity to reduce uncertainty for individual women and to enhance marital solidarity for couples. From this perspective, it is the mere presence of a child that counts" (Friedman at all, 1994).

The paper contribution is that it is focused on females only, underlying the contradiction between having children and career. Like Kiecolt (2003) I test the influence of the main independent characteristic of having children along with job characteristics on life satisfaction and happiness. As well as Hanson and Sloane I am interested in examining the effect of young children on the job satisfaction of employed women but I want not only to see how "the presence of family responsibilities affects their happiness at work" but to trace their life satisfaction and happiness as a whole. More over the paper focuses on all women in order to compare the happiness of those who have children with those who does not have. This is the main distinction from the Berger's paper (2009). Berger did not take into account the happiness of women without children. The main focus of that paper is on German situation for working mothers who are unable to combine family responsibilities with (full-time) work due to insufficient access to appropriate childcare. Berger analyses whether this problem has a significant impact on the mothers' subjective well-being.

The main analysis is based on the World Value Survey, 2000-2009, including 89 countries, it give us about 43 thousand of women, aged 15-64 years old. Happiness is measured by the 4 point scale (1 – not happy at all,..., 4 – very happy) is transferred to the standardized happiness 0...1 index. Life satisfaction is measured by 10 point scale (1 – dissatisfied,..., 10 – satisfied) is transferred to the standardized satisfaction 0...1 index. Well-being index is the sum of the two previous divided by 2. Three hypotheses were tested.

Hypothesis 1 is grounded on the theory of the Value of Children: the number of children has bigger effect on female life satisfaction than having a job.

Hypothesis 2: younger women (up to 35 years old) tend to be happier with a job while older women (from 36 to 64) tend to be happier having children. This hypothesis is based on the previous results shown by Kiecolt (2003).

Hypothesis 3: (the main one) is that in those countries with very liberal Labour Legislation working women with children are the most satisfied with their life and the happiest group of women. While working mother in the countries with extremely strict labour legislation would be the unhappiest group. This could

be explained by the barriers of entering the labour market for the newcomers. In case of low level of regulations from the state employers have almost no firing and hiring costs what determines the easiness of hiring process. Then women could easily re-enter the labour market in such countries like USA, UK, Canada. In case of highly regulated labour market the employers bear heavy labour costs and this enhances strong barriers of reentering the labour market. That is why working mothers from such countries as Spain, China, France, Russia and Germany facing all these difficulties could be unsatisfied with their jobs and their lives as a whole.

The results from the preliminary regression and multilevel analysis showed strong correlation between having job and happiness for all females. The research also supported the hypothesis about age influence: women under 35 are happier with job rather than with children, while women after 35 tend to be happy with children as much as with having jobs. Using multilevel regression models the author demonstrates the countries differences: overall women in the post-communist countries are less happy with their jobs comparing with the developed countries.

References

1. Becker G. A Theory of Allocation of Time// Economic Journal. 1965. September, P 493-517.
2. Becker, P. E., & Moen, P. (1999). Scaling back: Dual-earner couples' work-family strategies. Journal of Marriage and the Family, 61, 995-1007.
3. Friedman, D., Hechter, M., Kanazawa, S. A Theory of the Value of Children// Demography. 1994. Vol. 31. № 3. August. P. 375-401.
4. Gronau R. Leisure, Home Production, and Work — the Theory of the Allocation of Time Revisited // Journal Political Economy. 1977. Vol. 85. № 6. P. 1099-1123.
5. Hochschild, A. R. (1996). The emotional geography of work and family life. In L. Morris & E. Stina Lyon (Eds.), Gender relations in public and private. New research perspectives (pp. 13-32). New York: St. Martin's Press.
6. Hochschild, A. R. (1997). The time bind: When work becomes home and home becomes work. New York: MetropolitanB ooks. Hochschild, A. R., & Machung, A. (1989). The second shift. New York: Avon Books.
7. Jaccard, J. (2001). Interaction effects in logistic regres-sion. Newbury Park: Sage.
8. Hoem B., Hoem J. M. The impact of women's employment on second and third births in modern Sweden// Population Studies. 1989. Vol. 43. P. 47-67.
9. Killingsworth, M. R., Heckman J. J. Female Labor Supply: A Survey// O. Ashenfelter, P. R. G. Layard (eds.) Handbook of Labor Economics. — Amsterdam, 1986. Vol. 1.

10. Kravdal O. (1992). The weak impact of female labour force participation on Norwegian third-birth rates. European Journal of Population. Vol. 8, P. 247-263.
11. David C. Ribar Child Care and the Labor Supply of Married Women: Reduced Form Evidence The Journal of Human Resources, Vol. 27, No. 1, Special Issue on Child Care (Winter, 1992), pp. 134-165.
12. Marco Francesconi A Joint Dynamic Model of Fertility and Work of Married Women. Journal of Labor Economics, Vol. 20, No. 2, Part 1 (Apr., 2002), pp. 336-380.

Козлов В. А., Москва

Влияние социально-экономических факторов на оценку пожилыми людьми собственного социального статуса. Межстрановые сравнения

Аннотация В статье рассматривается влияние социально-экономических и демографических факторов на индивидуальном и страновом уровне на статус пожилых людей в обществе. Основное внимание уделяется показателям, связанным со здоровьем и долголетием, экономическим благосостоянием и вовлеченностью в общественную жизнь.

Ключевые слова: старение населения, социальный статус, субъективная оценка

Постановка исследовательской задачи

На сегодняшний день последствия необратимого процесса старения населения, охватившего развитые и многие развивающиеся страны мира, представляют собой одну из важнейших глобальных проблем. По данным ООН [15] в 2009 на Земле около 11% населения находится в возрасте старше 60 лет, а к 2050 году доля пожилого населения достигнет 22% (для развитых стран показатель составит 33%[1]). В то же время среди шестидесятилетних увеличится с 14% до 20% доля людей в возрасте 80 лет и старше. В быстроразвивающихся азиатских странах и процесс старения населения будет происходить ещё быстрее. В итоге к 2050 году в возрасте 60 лет и старше будет находится 41% населения Южной Кореи, 40% населения Сингапура, 31% - Китая, 25% Индонезии и 20% Индии. В Бразилии показатель составит 29%, а в России произойдет рост с 18% (2009) до 32% (2050).

Подобные демографические изменения, происходящие в большинстве стран за очень короткие в историческом измерении сроки, помимо всего прочего приводят в конечном итоге к изменению социальных ролей

[1] Рекордсменами здесь являются Япония (30% населения в возрасте 60 лет и старше), Италия, Германия с показателем 26% на 2009 г., прогнозом на данным странам на 2050 г. Выглядит следующим образом: по 40% для Японии и Германии и 39% для Италии.

и социального статуса пожилых людей. Данное исследование посвящено выявлению основных факторов, определяющих оценку пожилыми людьми собственного статуса в обществе, а также анализу межстрановых различий в данном показателе. С одной стороны, появление большого количества пожилого населения, рост его удельного веса, благосостояния (особенно, в совокупности со снижением доли богатства у молодых) и влияния в обществе могло спровоцировать негативное отношение населения к пожилым. В результате появлялись различные теории, объясняющие причины дискриминации по возрастному принципу – ageism [4] (по аналогии с дискриминацией по национальному принципу – nationalism и половому принципу – sexism) и появления возрастных стереотипов [8, 12]. В рамках данного направления также стоит выделить работы, связывающие появление возрастных стереотипов с изменениями социальных ролей в обществе при старении [7], а также с ассоциацией старости с негативными явлениями, такими как смерть, болезни (дополнительная форма дискриминации – healthism), бедность [5, 16]. Действительно, вероятность упомянутых негативных явлений существенно повышается в стареющем обществе, тем не менее, в большинстве стран старение население являлось следствием быстрого экономического, технологического и социального развития. В результате эпидемиологического перехода в большинстве стран выросли как показатели дожития до старших возрастов, так и здоровья населения в старших возрастах [14], пенсионное обеспечение также находилось на высоком уровне. В результате специфические риски, связанные со старостью хотя и остались, но перестали быть столь очевидными, а само по себе старение в обществе зачастую не воспринималось как негативное явление.

Таким образом, учитывая происходящие социально-экономические и демографические изменения в обществе, кроме теории ageisma справедливо рассматривать теорию «третьего возраста», согласно которой старости во всех негативных ее проявлениях предшествует период благополучного старения [9, 13], границы которого все более расширяются и передвигаются в старшие возраста [2]. Следовательно, стариков можно разделить на «старых» (в традиционном понимании) и «молодых» (относительно здоровых, общественно активных и со стабильным высоким доходом). Стоит заметить, что с ростом числа «молодых» стариков ожидается рост их статуса в современном обществе (хотя реальный статус пожилого населения в традиционном и классическом индустриальном обществе всегда вызывал большие дискуссии [2, 11])

Основными гипотезами данного исследования можно сформулировать следующим образом: более высокая оценка собственного статуса у пожилых респондентов, которые, при прочих равных условиях (задаются контрольными переменными) на индивидуальном уровне имеют лучшее здоровье, вовлечены в общественную жизнь и удовлетворены своими экономическими условиями (то есть воспринимают себя «молодыми стариками»). А также высокий статус по самооценке должен наблюдаться у респондентов, которые проживают в странах с более благоприятными демографическими и социально-экономическими показателями, и не переживали активных социальных потрясений.

Использование показателей на макроуровне представляется важным, в связи с тем, что социальный статус во многом определяется сложившимися в обществе традициями и общим уровнем социально-экономического и демографического развития, следовательно, необходимо включение в анализ основных характеристик стран проживания респондентов.

Исследование сосредоточено на европейских странах, так как они первыми столкнувшимися с процессом старения населения и первыми испытают на себе его последствия: в настоящий момент доля населения старше 60 лет в Европе составляет 22%, а к 2050 по прогнозам ООН возрастет до 34% (при этом 28% стариков будет находится в возрасте старше 80 лет) [15]. В то же время, в большинстве европейских стран давно наблюдаются все условия для появления «третьего возраста». Позитивный опыт европейских стран по реакции на последствия старения населения, безусловно, может быть полезен во многих, переживающих сходную демографическую ситуацию, стран мира.

Описание модели и переменных

Для анализа данных на микроуровне используются результаты опроса European Social Survey-2008, или ESS-2008 (4-ая волна, 2008 г.)[1]. В качестве зависимой переменной используется отношение пожилых людей (в опросе людей в возрасте 70 лет и старше) к своему статусу в обществе (ответ на вопрос о восприятии обществом статуса пожилых людей с точки зрения респондента). Таким образом, мы считаем, что максимально точную информацию о социальном статусе и реальном положении в обществе пожилых можно получить непосредственно от них, мнение более молодых респондентов основано не на собственном опыте, а на представлениях, поэтому может быть менее информативным. Некие различия (значимые на 1%-уровне) между мнением респондентов старше 70 лет и мнением всей совокупности, действительно, наблюдаются (см. рис. 1).

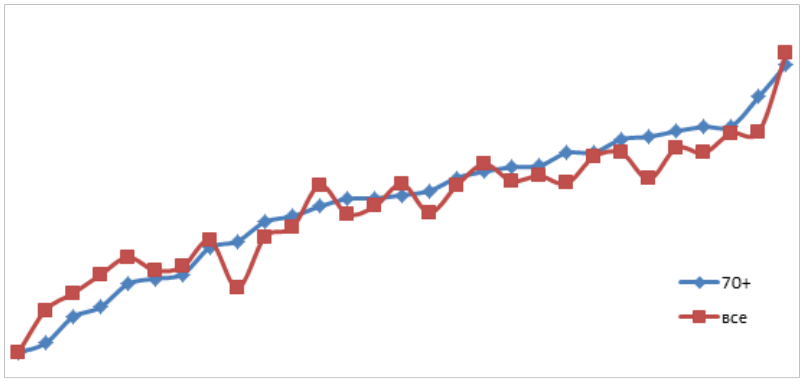

Рис. 1. Распределение стран
по субъективному статусу пожилых людей в обществе

[1] Выборка целевая, Совокупное число опрошенных в выборке 56 752, стандартная ошибка выборки для разных стран составляет от +/-3.4 до 4,6 %. В выборку включены 29 европейских стран.

Разброс средних оценок пожилых респондентов своего социального статуса по странам, выявленных на предварительном этапе работы: от 2,4 в Болгарии до 7,03 на Кипре - ещё раз подтверждает важность использования макропоказателей по различным странам.

Объясняющие переменные на уровне респондента (микроуровне)

Объясняющие переменные на уровне респондента (микроуровне) согласно выдвинутым гипотезам можно разделить на 3 основных группы.

1. Переменные, определяющие состояние здоровья респондента: собственное субъективное восприятие здоровья (5 балльная шкала от очень хорошего к очень плохому), наличие препятствий к осуществлению нормальной жизнедеятельности (3 балльная шкала от наличия существенных ограничений до полного отсутствия таковых).

2. Переменные, определяющие социальную активность и вовлеченность (шкалы): оценка собственного участия в общественной жизни по сравнению с общим уровнем участия лиц аналогичного возраста, частота неформального общения с друзьями, коллегами и родственниками, возможность обсуждать личные вопросы с друзьями и родственниками, по большому счету регулярно общаться на большинство интересующих тем (чем ниже показатель, тем больше совместных тем)

3. Переменные, определяющие экономические условия жизни: удовлетворенность нынешними стандартами жизни для пенсионеров[1] (комплексный показатель, который означает насколько пенсионеры удовлетворены собственным экономическим положением, количеством и качеством предоставляемых общественных благ), измеряется в виде шкалы по возрастанию.

Объясняющие переменные на макроуровне

Объясняющие переменные на макроуровне можно логически разделить на следующие группы.

1. Показатели, связанные с продолжительностью жизни, к которым относятся: ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 70 лет, ожидаемая продолжительность здоровой жизни при рождении (связан с показателем субъективного здоровья на микроуровне), вероятность выжить в возрасте между 25 и 70 годами (важный индикатор смертности взрослого населения)[2].

---

[1] Для определения удовлетворенности экономическими условиями жизни в качестве комплексного показателя используется данный индикатор, так как, например, кажущиеся более очевидными семейный и личный доходы, могут не совсем корректно отражать ситуацию, включая в себя межпоколенные трансферты. По этой причине субъективная оценка дохода семьи используется в качестве контрольной переменной.

[2] Далее первый критериев Ласлетта [10], при превышении им 0,5 в стране складываются благоприятные условия для появления «третьего возраста».

2. Переменные, связанные с возрастной структурой исследуемой страны: доля людей в возрасте 60 лет и старше (а также 70 лет и старше), а также более точные показатели, определяющие долю населения в возрасте 60 лет и старше[1] (а также 70 лет и старше) среди взрослых старше 25 лет. Справедливым выглядит предположение, то с ростом доли пожилых людей в обществе с маргинальных процентов до существенных цифр будет пропорционально возрастать и их статус.

3. Показатели, отображающие социально-экономическое развитие страны: индекс развития человеческого потенциала (далее ИРЧП), а также менее точные показатели ВВП на душу населения и коэффициент Джини (неравенство может быть сконцентрировано в социально незащищенных слоях населения, к которым зачастую относятся пожилые).

4. Фиктивные переменные, отражающие особые «зоны» на европейской демографической карте. В нашем случае рассмотрим две: бывшие страны социалистического лагеря и страны Южной Европы. В первом случае в странах длительное время не наблюдалось значимого прогресса, а в ряде случаев происходило долгосрочное ухудшение показателей смертности взрослых [3]. В результате старение населения происходило «снизу» за счет снижения рождаемости, поэтому происходило не так быстро, с одной стороны, но, с другой стороны, не сопровождалось улучшением здоровья, снижением риска смертности и прочих специфических рисков. Кроме того, переходный период резко снизил социально-экономическое положение населения, особенно уязвимых его частей, а также обесценил большинство накоплений. Во втором случае, наоборот, наблюдался успешный эпидемиологический переход, кроме того, параллельно быстро снижалась рождаемость – происходило одновременное старение сверху и снизу, также наблюдался быстрый рост благосостояния населения и введение пенсионных реформ. Таким образом, специфические риски старости довольно быстро нивелировались.

Контрольные переменные

Для увеличения точности оценок модели на индивидуальном уровне необходимо рассмотреть следующие переменные, которые также явно оказывают эффект на социальный статус пожилых людей. Условно контрольные переменные можно разделить на следующие подгруппы:

Показатели субъективного благополучия: ощущение счастья, удовлетворенность жизнью, удовлетворенность доходом. Необходимо использовать данные переменные, так как с большой вероятностью более счастливые и удовлетворенные жизнью люди воспринимают собственный социальный статус выше. Гипотеза выдвигается по аналогии с независимыми перемен-

[1] Далее второй критерий Ласлетта [2, 10], при с его ростом в стране складываются благоприятные условия для появления «третьего возраста».

ными, где более высокий социальный статус может иметь респонденты, удовлетворенные собственным состоянием здоровья, а также возможностью регулярно общаться и вести активную социальную жизнь.

Переменные, отражающие положение человека в обществе, которые должны быть сильно связаны со статусом: образование, принадлежность к дискриминируемой группе, занятость (что в возрасте после 70 лет встречается редко) и профессиональный статус, а также являющиеся индикаторами более традиционных ценностей: степень религиозности респондента (шкала), проживание в сельской местности

Демографические переменные: возраст – так как статус может существенно меняться с возрастом даже в рамках возрастной группы 70 лет и старше (согласно выбранным нами теориям при переходе от «третьего» к «четвертому» возрасту, границы которых четко не установлены), пол (женщины зачастую могут оценивать свой социальный статус ниже чем мужчины вне зависимости от возраста), наличие/отсутствие партнера, как дополнительной поддержки и опоры в старости, а также наличие/отсутствие детей (логика аналогичная ситуации наличия партнера)

Результаты моделирования

Описание модели

Для анализа используются линейные (в ряде случаев, например для возраста, были использованы нелинейные модели, но результаты это не изменило) многоуровневые модели (Multilevel models[1]). В качестве первого уровня (микро) использовались данные респондентов опроса ESS-4, в качестве второго уровня (макро) межстрановые социально-экономические и демографические показатели. Расчеты сделаны с использованием статистического пакета Stata 11.

Многие независимые переменные сильно и значимо коррелируют друг с другом, а также в ряде случаев (продолжительность жизни и ИРЧП) представляют линейные комбинации друг друга. Поэтому для проверки наших гипотез без проблемы мультиколленирности будет последовательно построено несколько различных моделей, в которых проверяется значимость всех интересующих нас переменных. В данную работу будут включены только статистически значимые результаты, полученные по итогам анализ всех моделей.

Полученные результаты

Результаты можно представить в таблице 1, с целью экономии места в таблице указаны только значимые зависимые переменные на микро (Уровень 1) и макроуровне (Уровень 2). Комментарии по незначимым и контрольным переменным будут приведены ниже.

[1] Подгруппа Random Intercept.

Таблица 1

Значения коэффициентов перед значимыми объясняющими переменными

	Модель1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6
	Коэфф.	Коэфф.	Коэфф.	Коэфф.	Коэфф.	Коэфф.
Уровень-1						
Отсутствие ограничений по здоровью	0,102***	0,104***	0,106***	0,1***	0,101***	0,104***
Удовлетворенность стандартами жизни пенсионеров	0,145***	0,145***	0,145***	0,144***	0,152***	0,148***
Возможность обсуждать личные темы с родственниками в возрасте 70 лет и старше	-0,044***	-0,043***	-0,042***	-0,043***	-0,04***	-0,042***
Уровень-2						
Вероятность выжить от 25 до 70 лет	4,38***					
Ожидаемая продолжительность здоровой жизни		0,114***				
Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 70 лет			0,303***			
Страна с социалистическим прошлым				-1,17***		
Страна Южной Европы					1,08**	
ИРЧП						3,5
Константа	0,71	-4,24**	-0,77***	4,17***	3,55***	0,341
R-square	**0,26**	**0,25**	**0,25**	**0,26**	**0,24**	**0,23**

*– 10% уровень значимость, ** – 5% уровень значимости, *** – 1% уровень значимости.

Исходя из результатов таблицы 1 можно сделать следующие выводы:

Объясняющие переменные

На социальный статус пожилых положительно влияет субъективное здоровье, причем, в первую очередь отсутствие ограничений по здоровью на ведение нормальной жизни

Удовлетворенность стандартам жизни пенсионеров положительно влияет на субъективный социальный статус. В то же время такое же влияние на социальный статус оказывает и удовлетворенность доходом семьи (устойчиво значимая контрольная переменная). Таким образом, финансовая независимость, даже обеспеченная, возможно, за счет межпоколенческих трансфертов оказывает положительное влияние на статус.

Социальная вовлеченность, а также общественная активность незначимы. Одна только возможность обсуждать вопросы личного характера с родственниками одного и того же возраста значима.

Значимы практически все рассмотренные на макроуровне демографические переменные (в том числе и первый критерий Ласлетта), в то же время социально-экономические переменные незначимы (показатель ИРЧП в некоторых моделях был значим на 10% уровне) равно как и ВВП с коэффициентом Джини.

Переменные, связанные с возрастной структурой населения оказались незначимыми (в том числе и второй критерий Ласлетта), при этом они рассматривались в модели как в линейном, так и в нелинейном (квадратичном) виде.

Отсутствие ограничений по здоровью – более устойчивый показатель, чем субъективная оценка здоровья. Возможно, это связано с тем, что само по себе здоровье по самооценке ближе к показателям субъективного благополучия, чем к реальному состояния здоровья респондента.

Контрольные переменные

Незначимыми получились контрольные переменные, связанные с занятостью и образованием, полом, а также семейным статусом (наличие партнера и детей). В то же время, значимыми и довольно устойчивыми в различных моделях оказались следующие:

- с положительным знаком ожидаемо влияют на статус пожилых их высокий уровень счастья и удовлетворенности жизнью, доверия к другим людям, а также религиозность (приверженность более традиционным ценностям, согласно которым старики должны пользоваться почетом);
- с отрицательным знаком влияют принадлежность к дискриминируемой группе, также неустойчиво (в основном на 10% уровне) значимо проживание в городе с отрицательным знаком (видимо, объяснение схожее с религиозностью).

Заключение и дальнейшие исследования

В итоге в рамках данного исследования удалось проверить и подтвердить гипотезу о более высоком социальном статусе респондентов удовлетворенных своим здоровьем и благосостоянием, также пожилого населения в странах с высокими показателями демографического развития (высокие уровни продолжительности жизни взрослого и пожилого населения и состояния здоровья населения). Таким образом, вполне справедливой является гипотез о появлении в развитых странах «третьего возраста».

В рамках дальнейших исследований необходимо обратить внимание на особенности старения различных когорт населения, переживших различные события [6]. Особую ценность представляет когортный анализ для поколения baby-boomers в Западной Европе, а также переживших переход к рынку пожилых людей и лиц предпенсионного возраста для Восточной Европы. Кроме того, некоторые интересные данные могут получиться по странам Южной Европы, которые не имели baby-boom и болезненного перехода, но довольно быстро старели и демонстрировали хорошие показатели экономического развития.

Библиографический список

1. А. Вишневский Похвала старению // Отечественные записки, 2005 №3 (23).
2. М. Денисенко Тихая революция // Отечественные записки, 2005 №3 (23).
3. Andreev E. et al Mortality Reversal in Russia: The story so far. // Hygiea Internationalis Volume 4, Issue 4, 2004, p. 29-80.
4. Butler R., “Age-ism” Another form of bigotry. // Gerontologist, 1969 No 9.
5. W.L. Gekoski, V.J. Knox Ageism or healthism // Journal of Aging and Health, 1990.
6. Gilleard, C. and Higgs, P. The third age: class, cohort or generation? // Ageing & Society 22, 2002, p. 369-382.
7. Hummert et al Stereotypes of the elderly held by young, middle-aged, and elderly adults // Journal of Gerontology Volume 49, Issue 5, 1993, pp. 240-249.
8. Kite M.E. & Johnson B.T. Attitudes toward older and younger adults: A meta-analysis. // Psychology and Aging. 1988, No 3 (3). - pp. 233-244.
9. Laslett P. / Sociental Development and Aging. Handbook on Aging. N. Y., 1986.

10. Laslett P. / A Fresh Map of Life: the Emergence of the Third Age. London. 1990.
11. Laslett P. One necessary knowledge: Age and Aging in the Societies of the Past. / In: D. Kertzer and P. Laslett, (eds), Aging in the Past Demography, Society, and Old Age. Berkeley, 1995.
12. T.D. Nelson Ageism: Prejudice Against Our Feared Future Self. // Journal of Social Issues, Vol. 61, 2005, No. 2, pp. 207-221.
13. Neugarten B. L., Age groups in American Society and the Rise of the Young Old. Political Consequences of Aging // Annals of the American Academy of Social and Political Science. Volume 415, 1974.
14. Omran A.R. The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change // The Milbank Memorial Fund Quarterly, 1971.
15. Population Ageing and Development United Nations. URL: http://www.un.org/esa/population/publications/ageing/ageing2009chart.pdf (Дата обращения 14 июня 2012).
16. Solomon, Sheldon, Greenberg, J., & Pyszczynski, T. (1991) «A terror management theory of social behavior: The psychological functions of esteem and cultural worldviews» / in M. P. Zanna (Ed.) Advances in experimental social psychology Volume 24, Academic Press, pp. 93-159.

Коломенская А. С., Новосибирск

Экологическое состояние территорий и здоровье населения регионов СФО[1]

Аннотация В статье представлены результаты анализа экологического состояния территорий отдельных регионов СФО по ряду статистических показателей, а также проанализированы субъективные оценки экологии и здоровья, данные респондентами в ходе репрезентативного опроса.

Ключевые слова: экологическое состояние территорий, субъективные оценки экологии и здоровья

Любое исследование, в той или иной степени предполагающее оценку экологического состояния территории страны, следует проводить с учетом ее региональной неоднородности, связанной как с естественными особенностями территории (географическим положением, природно-климатическими условиями, размером и протяженностью), так и с воздействием антропогенного фактора[2] (уровнем развития промышленности и сельского хозяйства, структурой промышленного производства, состоянием основных средств предприятий и очистных сооружений и др.). Другими факторами, прямо или косвенно определяющими особенности экологического состояния территории являются величина средств, затрачиваемых на защиту окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, число и мощность очистных сооружений, деятельность природоохранных организаций, и в целом уровень развития экологического сознания населения, его экологическое поведение, общий уровень экологической культуры граждан.

[1] Статья написана при поддержке РГНФ (грант РГНФ № 09-03-00597а) «Социокультурный портрет региона (Новосибирская область)». Руководитель проекта — заведующий кафедрой социологии Новосибирского государственного технического университета (НГТУ) д. ф. н., профессор В. И. Игнатьев. Информационной базой исследования послужили официальные данные Федеральной службы государственной статистики РФ и результаты репрезентативного опроса населения г. Новосибирска, проведенного кафедрой социологии НГТУ в 2009 г. (№ = 500 чел.). Для обработки исходной статистической информации применялся пакет прикладных программ «MS Excel», для обработки результатов социологического опроса – программа SPSS.

[2] Под антропогенными факторами окружающей среды будем понимать все факторы, обусловленные хозяйственной деятельностью человека и влияющие на приходную среду.

Вместе с тем, учет вышеперечисленных и многих других региональных особенностей, позволяет не только получить комплексную характеристику экологического состояния региона с выделением специфических, индивидуальных черт и явлений, но и проанализировать особенности воздействия экологических факторов на различные сферы жизни населения, и в том числе на состояние здоровья.

Однако, даже в пределах одного региона экологическое состояние областей, входящих в его состав, часто, весьма разнится. В таком случае уместно производить исследование на уровне области, края или округа, в составе страны как дифференцированного целого.

Целью данной статьи является выявление объективных особенностей экологического состояния отдельных областей СФО (в частности качества атмосферного воздуха и водных ресурсов) в их соотнесении с субъективными оценками, данными населением, и степенью их воздействия на состояние здоровья жителей региона. Для анализа использованы официальные статистические данные за 2009 год [2, 3] и результаты репрезентативных опросов населения, проведенных в Новосибирской и Омской[1] областях и Красноярском крае[2] в рамках российского проекта "Социокультурный портрет региона". В теоретико-методологическом плане исследования основываются на инструментарии "Социокультурный портрет региона", разработанном в Институте философии РАН под руководством доктора философских наук, профессора, чл.-корр. РАН Н.И. Лапиным [4].

Приступая к рассмотрению показателей качества атмосферного воздуха, следует в первую очередь выделить основные источники загрязнения. В качестве таковых в данном случае выступают промышленные предприятия (с деятельностью которых непосредственно связаны стационарные источники загрязнения атмосферного воздуха) и автомобильный транспорт.

В 2009 году суммарная масса выбросов в атмосферу Новосибирской области загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, составила 233 тыс. тонн, что по величине аналогично предыдущему году, но примерно на 13% больше, чем в 2007 году. Однако, не смотря на рост, по данному показателю Новосибирская область является относительно благополучной в сравнении с другими областями СФО. Так, суммарная масса выбросов в атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников, в Красноярском крае в 2009 году составила 2446 тыс. тонн, что является максимальным из всех зафиксированных уровней данного показателя в округе.

---

[1] Проект выполнен при поддержке РГНФ (грант № 08-03-00518а) "Социокультурный портрет Омской области". Репрезентативный опрос населения области был осуществлен в 2008 году (№ = 1230 человек). Для обработки результатов социологического опроса применялась программа SPSS.

[2] Проект выполнен при поддержке РГНФ (грант № 10-03-00001а) "Особенности социокультурного портрета Красноярского края". Репрезентативный опрос населения был осуществлен в 2010 году (№ = 1000 человек). Для обработки результатов социологического опроса применялась программа SPSS.

В Омской области данный показатель, напротив, ниже, чем в Новосибирской, и равен 214 тыс. тонн, причем по сравнению с предыдущим годом величина выбросов уменьшилась на 9,3%.

От общего количества загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, в Новосибирской области в 2009 году уловлено и обезврежено 79,1%. Данный показатель в Красноярском крае составляет 77,8%, в Омской области – 88,4%.

Однако в Новосибирской области удельный вес выбросов от стационарных источников составляет лишь 39,4% от общего объема выбросов, в то время как основная масса выбросов загрязняющих веществ в атмосферу приходится на автомобильный транспорт (358 тыс. тонн). В Омской области структура соотношения данных показателей аналогична той, которая сложилась в Новосибирской области: здесь 41,4% всех загрязняющих атмосферу веществ являются отходящими от стационарных источников, в то время как 58,6% (303 тыс. тонн) приходятся на выбросы от автотранспорта.

В Красноярском крае масса веществ, поступающих в воздушный бассейн вследствие сжигания автомобильного топлива, равна 366 тыс. тонн, что незначительно отличается от величины аналогичного показателя, например, в Новосибирской области, но при этом составляет лишь 13% всех загрязняющих веществ, выбрасываемых в атмосферу области, тогда как на выбросы от стационарных источников приходится, соответственно, 87%.

Кроме того, Новосибирск, в отличие от Красноярска и Омска не входит в список городов, включенных Росгидрометом в 2009 году в перечень промышленных центров с особо высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха. В этом контексте, в качестве примера, можно привести значения показателя величины выбросов загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников, на одного жителя. В Новосибирске в 2009 году его величина составила 66,4 кг. на одного жителя, в то время как в Красноярске и Омске – 154,9 кг. и 161,1 кг. соответственно.

Продолжая характеристику экологического состояния окружающей среды региона, обратимся к показателям качества водных ресурсов. В 2009 году в Новосибирской области несколько снизился по сравнению с предыдущим годом сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты с 105 млн. м^3 до 98 млн. м^3. Стоит отметить, что начиная с 2005 года, наблюдался исключительно рост данного показателя.

Вместе с тем, по сравнению с соседними областями величина сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты области в принципе не критична. В Омской области величина данного показателя заметно выше: там, в 2009 году в водные объекты было сброшено 193 млн. м^3 загрязненных сточных вод. Однако в целом в Омской области величина данного показателя начала снижаться с 2008 года. Так, в период с 2005 по 2007 гг. величина сброса в среднем составляла 208 млн. м^3.

Красноярский край по объему таких выбросов занимает третье место в СФО (453 млн. м^3) после Кемеровской и Иркутской областях (746 млн. м^3 и 640 млн. м^3 соответственно). Стоит отметить, что четвертое место, по данному показателю, принадлежит Омской области, а пятое – делят Новосибирская область и Забайкальский край.

В рамках проблемы качества питьевой воды (водоемы I категории) как в Новосибирской области, так и во многих других областях СФО сложилась двоякая ситуация. Так, например, в Новосибирской области удельный вес исследованных проб воды, не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям за период с 2008 по 2009 гг. уменьшился с 12,5% до 7,6% (достигнув, таким образом, самого низкого показателя за предшествующие 5 лет).

Схожая с Новосибирской областью ситуация сложилась в Красноярском крае, где, за тот же период, удельный вес таких проб воды уменьшился в два раза и в 2009 году составил 10,1%. В Омской области также произошло существенное снижение показателя (в 1,3 раза), однако в целом его величина остается довольно высокой – 34,1%.

С другой стороны, исследование проб воды на ее соответствие качеству по микробиологическим показателям, показало не самые лучшие результаты: в Новосибирской области за период с 2008 по 2009 гг. величина данного показателя возросла с 0,7% до 5,7%. В Красноярской крае и Омской области также произошел рост данного показателя, однако не столь значительно: в 1,2 раза в Красноярском крае с достижением уровня 18,9%, и в 1,1 раза в Омской области, с зафиксированным в 2009 году уровнем 28,4%.

Обращаясь к статистике затрат на охрану окружающей среды отметим, что в 2009 году в Новосибирской области на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов было инвестировано в основной капитал 956,0 млн. рублей, что несколько меньше, чем в предыдущем году, но, темнее менее, в два с лишним раза больше объема 2007 года. Примерно половина средств была направлена на охрану и рациональное использование водных ресурсов, 19% – на охрану атмосферного воздуха, 17% – на охрану и рациональное использование земель. В Красноярском крае и Омской области структура инвестиций аналогична вышеописанной для Новосибирской области. Основная масса средств в этих областях в 2009 году была направлена на охрану и рациональное использование водных ресурсов (1365,9 млн. руб. и 895,4млн. руб. соответственно), на втором месте по величине – инвестиции, направленные на охрану атмосферного воздуха (568,6 млн. руб. и 145,1 млн. руб. соответственно), и на третьем – направление охраны и рационального использования земель (166,3 млн. руб. и 29,6 млн. руб.).

Исходя из статистических данных, по вышеперечисленным показателям можно констатировать относительное благополучие Новосибирской области в сравнении с соседними областями. Однако, в таком случае, особый интерес представляет анализ субъективных оценок населением экологического состояния окружающей среды и, в частности, соответствие этих оценок вышеприведенным официальным данным.

В первую очередь, рассмотрим распределение ответов респондентов на вопросы анкеты, касающиеся оценки качества атмосферного воздуха и питьевой воды. Так, при оценки качества атмосферного воздуха жители Новосибирской области чаще всего (41,8%) отмечали вариант «В некоторых районах, воздух загрязнен более, чем в других». Вторым по популярности

оказался ответ «Воздух сильно загрязнен», на него пришлось 34% всех оценок, и лишь четверть опрошенных жителей Новосибирской области считают воздух достаточно чистым.

Совсем иная структура ответов наблюдается в Омской области и Красноярском крае. Большинство омичей (54,1%) считают воздух в области достаточно чистым. Некоторую загрязненность отмечают 28,3% опрошенных жителей области, 17,5% респондентов считают, что воздух сильно загрязнен. Жители Красноярского края также в основном склоняются к варианту хорошего качества воздуха (47,4%), 36,7% отмечают, что в некоторых районах воздух загрязнен более, чем в других, и лишь 15,9% считают что воздух сильно загрязнен.

Структура распределения ответов на вопрос о качестве воды в Новосибирской области следующая: полностью удовлетворены ее качеством 36,2% жителей Новосибирска, 47,8% опрошенных считают, что вода загрязнена, сильную загрязненность водных ресурсов, используемых для питья и приготовления пищи, отмечают 16,0% опрошенных. Структура ответов на данный вопрос в Омской области аналогична: около половины респондентов считают воду загрязненной, по мнению 30,8% опрошенных вода достаточно чистая, и 21,0% опрошенных склоняются к варианту сильной загрязненности питьевой воды.

Совершенно иная ситуация в плане оценки жителями качества водных ресурсов сложилась в Красноярском крае. Там, большая часть респондентов (55,2%) считают воду достаточно чистой, 38,6% отмечают некоторую ее загрязненность и лишь 6,2% считают, что вода сильно загрязнена.

В данном случае мы сталкиваемся с весьма любопытным явлением. С одной стороны, в Новосибирской области по факту регистрируется не столь существенная нагрузка на окружающую среду, как, например, в Омской области или Красноярском крае, но, вместе с тем, жители именно Новосибирской области весьма негативно оценивают сложившуюся обстановку в плане качества воздуха и питьевой воды. Однако на основании этого нельзя делать однозначный вывод о представлениях населения об экологической обстановке в областях. Последующий анализ, который представляется в этом случае необходимым, может указать на скрытые закономерности и способствовать выявлению латентных факторов формирования общественного мнения.

Далее обратимся к вопросу влияния экологических факторов на состояние здоровья населения. Известно, что негативные факторы окружающей среды в той или иной мере накладывают отпечаток на структуру и масштабы заболеваемости населения. Количественная оценка степени влияния отдельных экологических факторов на заболеваемость населения была проведена автором данной статьи посредством эконометрического моделирования и, в частности, с помощью метода корреляционно-регрессионного анализа [1].

В качестве исходных данных для построения эконометрических моделей была использована информация о показателях состояния окружающей среды и демографических показателей за 2007 год по 78-ми регионам

семи федеральных округов РФ. В качестве факторных показателей выступили показатели урбанизации, показатели уровня загрязнения воздушного бассейна и состояния водных объектов, показатели промышленности, услуг связи и экологических правонарушений.

В качестве результативных переменных выступили показатели заболеваемости на 1000 человек населения, заболеваемости детей и подростков, а также показатели младенческой смертности и числа умерших детей до 5 лет. Кроме того, были построены модели для эндогенных переменных, описывающих число зарегистрированных заболеваний по различным классам болезней (инфекционные и паразитарные, системы кровообращения, органов дыхания, органов пищеварения и т. д.).

По результатам эконометрического моделирования удалось выявить, что в целом, в моделях влияния экологических факторов на состояние здоровья населения для разных возрастных групп и по основным классам болезней, в окончательные уравнения регрессии попадают одни и те же группы показателей: все показатели состояния водных объектов, промышленности, экологических правонарушений и некоторые показатели урбанизации и услуг связи. Статистически значимая связь между показателями уровня загрязнения воздушного бассейна и результативными показателями не подтвердилась. Возможно, влияние этих факторов учитывается косвенно через другие показатели (количество легковых автомобилей, число действующих организаций промышленности и другие).

Во многих уравнениях регрессии присутствует показатель доли работающих в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда. Это говорит о том, что работа взрослого населения на предприятиях промышленности с вредными и опасными условиями труда оказывает значительное воздействие не только на здоровье самих работников, но и на здоровье их детей.

В целом, процент объясненной дисперсии в моделях влияния экологических факторов на состояние здоровья населения для разных возрастных групп довольно высокий и в отдельных случаях достигает 60%, по основным классам болезней – 20%, что говорит о достаточно высокой зависимости здоровья человека от состояния окружающей среды.

Обращаясь к статистическим показателям 2009 года отметим, что в Новосибирской области заболеваемость населения составила 757,3 зарегистрированных случаев на 1000 человек, что на 4,3% больше, чем в прошлом году. В Красноярском крае величина данного показателя несколько выше: в 2009 году оно составила 835,0 случаев на 1000 человека населения. Один из самых высоких показателей по СФО зафиксирован в Омской области – 850,0 зарегистрированных случаев на 1000 человек населения.

Рассмотрим оценки респондентами состояния своего здоровья в целом.

Преобладающими ответами в Новосибирской области являются оценки здоровья как хорошего (вариант ответа “Нормальное здоровье, пока не жалуюсь” – 28,9%) и удовлетворительного (вариант ответа “Временами болею” – 42,2%). Почти 18% считают, что болеют часто. Доля хронических больных составила 9,2%, признали себя инвалидами 1,8% опрошенных респондентов.

Распределение ответов на данный вопрос в Красноярском крае оказалось следующим: 35,4% опрошенных оценивают свое здоровье как нормальное, около 40% респондентов ответили, что временами болеют, часто болеют – 5% опрошенных жителей края, оставшиеся 19% ответов пришлись на варианты “Имею хроническое заболевание” и “Инвалид”.

Таким образом, в Новосибирской области и Красноярском крае преобладает (относительно других вариантов ответа) оценка населением своего здоровья как удовлетворительного. В целом, это соответствует статистическим данным, так как в этих областях показатели заболеваемости населения равно или несколько ниже, чем в среднем по округу. В этом случае тем более интересно распределение ответов на вопрос о состоянии здоровья, полученное по результатам исследования в Омской области. Не смотря на то, что в ней число зафиксированных случаев заболеваемости населения в целом и по некоторым классам болезней (такие как инфекционные и паразитарные заболевания, болезни крови, системы кровообращения, органов пищеварения, а также пороки развития) выше, чем в исследуемых областях, мнение населения касательно состояния здоровья, напротив, весьма оптимистично. Свыше 40% опрошенных омичей считают, что у них нормальное здоровье, редкие случаи заболеваний отмечают у себя 38,3% респондентов, часто болеют и имеют хронические заболевания 9,6% и 7,8% опрошенных соответственно, оставшиеся 2,7% имеют инвалидность.

Таким образом, можно констатировать, что оценки населением экологического состояния окружающей среды в целом не одинаковы и во многом определяются субъективными особенностями территорий. Вместе с тем, в результате исследования не удалось выявиться представления населения о том, какие негативные факторы окружающей среды и в какой мере оказывают влияния на здоровье и общее самочувствие. Соответственно, данная проблема требует дальнейшей разработки и более глубокого социологического анализа.

Библиографический список

1. Коломенская А.С., Хаустова О.И., Шурбе В.З. Экология и состояние здоровья населения: региональный аспект // Региональные исследования. – 2011. №3(33). – С. 103-110.
2. Охрана окружающей среды в России. 2010: Стат. сб. / Росстат. - М., 2010. - 303 с.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. - М., 2010. - 996 с.
4. Социокультурный портрет региона : тип. программа и методика, методол. проблемы: материалы конф. «Социокультур. карта России и перспективы развития рос. регионов» [27 июня-1 июля 2005 г.]. – М.: ИФ РАН, 2006. - 325 с.

Мунин П. И., Зеленоград

Социальное благополучие и счастье на постсоветском пространстве

Аннотация В статье обоснованы и приведены процедуры оценки социального благополучия и счастья посредством мультипликативной индексации динамики преобразования пирамид численности населения по индексу MDI (*MDI – Multiplicative Demographic Index*). Приведены результаты таких оценок для стран СНГ за последние 20 лет.

Ключевые слова: информационные процессы, демографические пирамиды, устойчивое развитие, мультипликативность, аддитивность, трансформация

Постановка исследовательской задачи

Согласно рекомендованному ООН повсеместному переходу к устойчивому развитию идеалом социального благополучия и счастья служит гармоничное сочетание всей совокупности экономических, социальных и экологических факторов.

Учет этих факторов, представляющихся важными и значительными как для общества в целом, так и для каждого из его членов в частности, принято изображать в виде пересечения трех колец, каждое из которых соответствует одному из названных взаимодействующих элементов (см. рис. 1):

Эта модель достаточно адекватно изображает существующий набор «пограничных» научных дисциплин, таких как известные и достаточно развитые «экономическая экология» и «экологическая экономика», «социальная экология» и «экологическая социология», «социальная экономика» и «экономическая социология».

Можно считать, что попарный синтез соответствующих представлений и, естественно, языков состоялся и некоторые из этих «пар» канонизированы и внесены в список ВАК, например, «экономическая социология».

Однако научная проблема синтеза метаязыка, соответствующего «тройному» пересечению или «устойчивому развитию», частными реализациями которого служат исходные («отраслевые») массивы данных, все еще ждет своего решения.

Рис. 1. Модель устойчивого развития и ее элементы [1, С. 197]

В научном сообществе на уровне философской концепции подобное представление об уже назревшей парадигме межотраслевого синтеза высказал на страницах журнала «Эксперт» один из ведущих российских философов науки, руководитель Центра методологии и этики науки Института философии РАН, доктор философских наук Александр Огурцов. По его мнению «философия науки, как и сама наука, стоит на пороге новой революции. Очаги ее уже просматриваются в космологии и биологии, а главной чертой ее будет переход от аналитического способа мышления к синтетическому» [2, С. 53].

Эти очаги просматриваются также в так называемой «когнитивной науке», ведущей методологией которой «является информационный подход, рассматривающий человека и его взаимодействие с миром с точки зрения соответствующих информационных процессов – процессов приобретения, преобразования, репрезентирования, хранения и воспроизведения информации и их влияния на поведение человека» [3, С.132].

Более того, каждый из членов любого сообщества, даже весьма далекий от подобной научной проблематики или полагающий что «устойчивое развитие» – очередной миф о счастье на Земле, «синтезирует» в меру своих способностей и возможностей всю доступную ему информацию о социальных, экономических и экологических факторах. И, принимая решения, значимые для своего благополучного существования, во взаимодействии и взаимосвязи с себе подобными, реализует их!

Талантливой, но несколько гротескной, иллюстрацией данного утверждения, может служить рисунок Вл. Буркина, выразивший основную идею статьи «Экономика в руках политиков» директора Института экономики РАН Руслана Гринберга, поставившего «очень точный и простой диагноз российской экономике» [4] (см. рис. 2).

Рис. 2. На пути к устойчивому развитию[1]

Художник, возможно, и не подозревает о баталиях, разыгрывающихся между экспертами по поводу описания пересечения экономического, экологического и социального измерений современного перехода к «устойчивому развитию». Но его интуитивное видение обобщенной персонификации происходящего в виде устойчивого экипажа, три колеса которого легко идентифицируются в заданной триаде и к которому прикован каждый из нас, с предельной откровенностью обнажает роль акторов этого переходного процесса.

Социально значимые результаты решений этих акторов в аддитивной демографической интерпретации выглядят как данные о рождаемости, смертности и миграции. Эти данные затем трансформируются в компактные графические образы, именуемые как «пирамиды численности», исследование которых актуализировалось в последнее время и процесс изменения которых составляет задачу настоящего исследования применительно к СНГ.

Обычно подобные исследования заканчиваются демонстрацией так называемого «демографического перехода», который в образах пирамид численности выглядит как изменения их площади и формы.

На рис. 3 изображена последовательность пирамид численности населения мира, начиная с 1950 года и заканчивая 2100 годом.

При этом рост площади пирамид квалифицируется как все еще продолжающийся «демографический взрыв», а изменения формы – как «старение населения».

В такой негативной интерпретации население в целом и каждый из нас в частности подвергаются экологическому остракизму, а его социальное благополучие подлежит экономико-политическому секвестированию путем повышения пенсионного возраста. И счастье, такое близкое для стареющего населения, становится все более призрачным.

[1] Подрисуночная подпись моя – П.М.

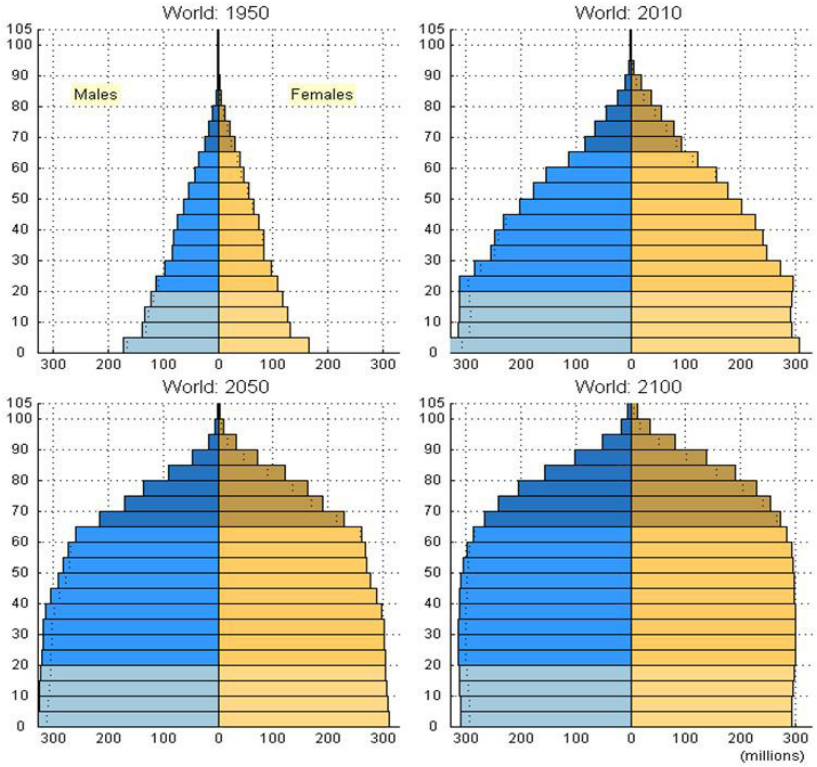

Рис. 3. Трансформация пирамид населения мира [5]

В то же время именно очевидная «рандомизация», то есть переход пирамид численности населения мира от «треугольной» в 1950 году до практически «прямоугольной» формы к 2100 году может восприниматься как глубоко позитивный процесс.

В «прямоугольном» обществе, когда наличная численность населения равномерно распределена по возрастным когортам, младенцы рождаются в количестве двух на семью и живут долго, общаясь в диалоговом режиме с «учителями» из разных возрастных когорт. Пенсионный возраст, если в этом есть необходимость, определяется способностью к активной деятельности. Все покидают мир в здравом уме и памяти после достижения преклонного возраста и одновременно. Это и есть социальное *благополучие&счастье*!

Подобной трансформации с различными отклонениями и временным лагом следуют пирамиды численности населения всех стран и регионов. И следует только оценить их существующую в настоящий момент близость к отмеченному социальному благополучию&счастью.

Предлагаемая автором методика такой оценки процесса «рандомизации» заключается в вычислении двух мультипликативных индексов – *MDI* и *MSR* – с последующим их сравнением для населения различных стран [6].

Мультипликативные индексы рандомизации

Мультипликативный индекс развития – MDI – вычисляется по следующей формуле:

$$MDI = \prod_{i=1}^{i=k} \left(\frac{(m_i + f_i) \times k}{\sum (m_i + f_i)} \right) \quad (1),$$

где MDI – мультипликативный индекс развития,

k, m_i, f_i, i – количество, численность мужчин и женщин в i-той когорте, соответственно.

Смысл формулы (1) достаточно прост и заключается в относительном сравнении разнообразия взаимных связей – генетических и культурных, охватывающих все возможные способы передачи информации из поколения в поколение[1], – между мужскими и женскими возрастными когортами, то есть выделенными группами населения страны.

Это разнообразие равно произведению численностей

$\prod_{i=1}^{i=k} (m_i + f_i)$ этих когорт.

Сравнение (нормирование) производится с разнообразием при равномерном распределении численности мужчин ($\sum m_i$) и женщин ($\sum f_i$) по этим же когортам, свойственном устойчивому развитию.

Симметричность реальной пирамиды численности можно оценить с помощью мультипликативного полового индекса – MSR , – который вычисляется по следующей формуле:

$$MSR = \prod_{i=1}^{i=k} (m_i / f_i) \quad (2),$$

где (m_i / f_i) – половое отношение в соответствующей когорте, равное.

Практический смысл формулы (2) состоит в сравнении мужского и женского разнообразий рассматриваемой совокупности когорт в целом. Этот индекс служит демографической интерпретацией так называемого «закона необходимого разнообразия»[7, С. 293][2].

Мультипликативная оценка трансформации пирамид численности населения мира от «пирамидальной» в 1950 году, до практически «прямоугольной» к 2100 году позволила выявить позитивный тренд, начавшийся примерно в конце 1970-х гг.

---

[1] Именно в беспрепятственности передаче информации, характеризуемой уровнем разнообразия связей, заключается подлинный смысл определения «устойчивого развития», принятого мировым сообществом в «Рио-92» и приверженность которому была подтверждена в «Рио+20».

[2] Результаты оценки мультипликативного полового индекса из-за перегруженности текста иллюстрациями не приводятся.

Этот тренд в [6] был идентифицирован как начавшийся переход к «устойчивому развитию», который, в свою очередь, был легитимизирован в «Рио-92» как безальтернативный для мирового сообщества.

Однако на региональном и субрегиональном уровне этот глобальный тренд подвергается действию множества глокальных факторов, существенно модифицирующих его.

Рандомизация населения стран на постсоветском пространстве

Именно своеобразие динамики изменения пирамид численности стран СНГ составляет предмет настоящего исследования, а мультипликативной обработке подверглись численности возрастных когорт, полученные по результатам переписей населения соответствующих стран.

Результаты оценки мультипликативных индексов развития по «пирамидам численности» мира в целом и выбранных стран (СНГ- CIS) приведены на рис. 4.

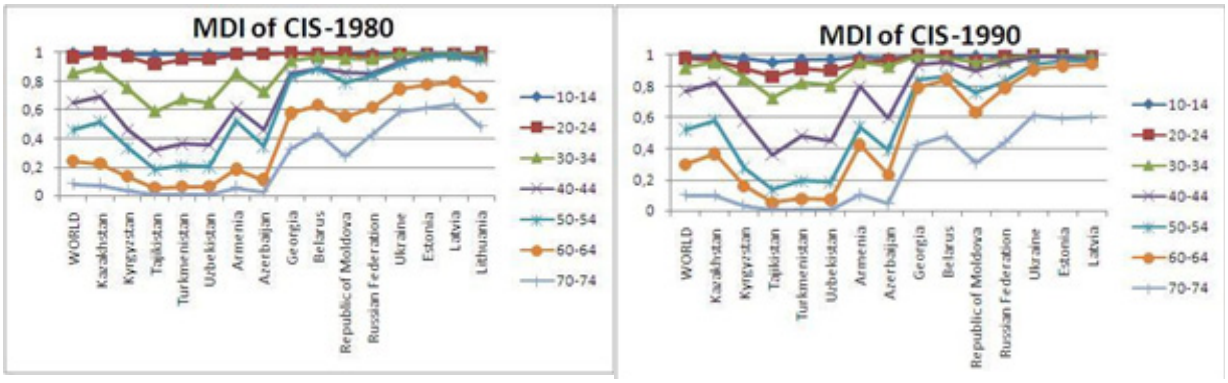

Рис. 4. MDI стран СНГ и мира в 1980-1990 гг.

На этом рисунке «застойный» 1980 год, когда СНГ «еще не было в проекте», выбран в качестве опорного для сравнения последующими пореформенными изменениями.

В то же время соответствующие «идеальному» (рандомизированному) благополучию&счастью значения индексов должны достигать своего максимального значения, равного единице для всех когорт.

Таким образом, чем ближе концентрируются значения индексов для разных когорт к этому максимальному значению, тем выше уровень социального благополучия&счастья в той или иной стране СНГ.

На следующем рис. 5 отражены результаты оценок социального благополучия и счастья в начале XXI века и в 2010 году.

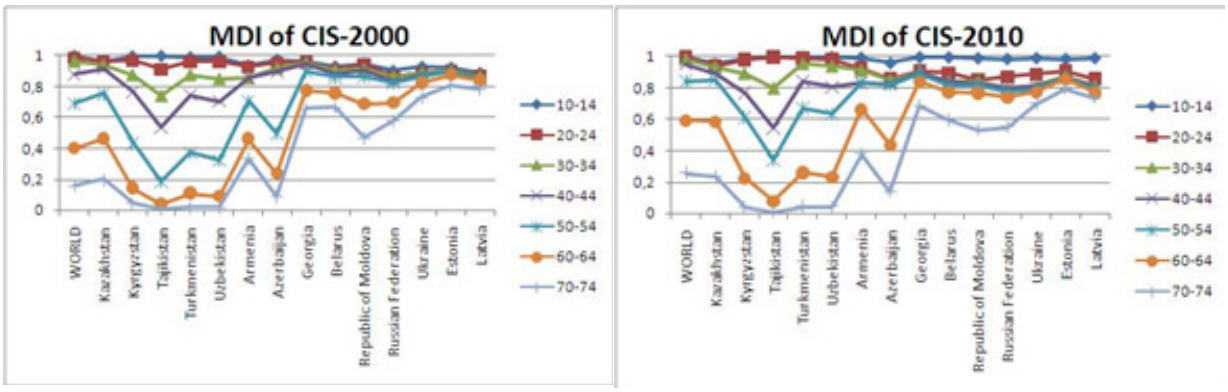

Рис. 5. MDI стран СНГ и мира в XXI веке

Прибалтийские страны к 2000 году обнаружили интересную тенденцию к сжатию кривых в диапазоне 0,8-0,9 с одновременным снижением общего уровня.

Привлекает внимание удивительно высокая концентрация кривых *MDI*, достигнутая в Грузии за последнее десятилетие, что указывает на сравнительно высокий темп развития в этот период. Оправдание или объяснение таким изменениям в Грузии можно отыскать в бестселлере «Почему у Грузии получилось» [8], получившем широкую известность в Украине и ряде других стран.

Библиографический список

1. Мунин П. И. Основы конструктивной теории устойчивого развития общества. – LAP, 2012. – 267 с.
2. Правдоподобность синтеза. // Эксперт, 4-10 июня 2012 № 22 (805), С.53.
3. Баксанский О. Е., Гнатик Е. Н., Кучер Е. Н. Естествознание: Современные когнитивные концепции. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.
4. Гринберг Р. Экономика в руках политиков // Известия, 25.02.2011, №33(28294), С. 04.
5. World Population Prospects, the 2010 Revision. // URL: http://esa.un.org/unpd/wpp/population-pyramids/population-pyramids_absolute.htm (Дата обращения: 24.06.2012).
6. Мунин П. И. Демографическая интерпретация теории устойчивого развития общества // Труд и социальные отношения, 2011. № 1 (79), С. 53-62.
7. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. – М.: КомКнига, 2006.
8. Буракова Л.А. Почему у Грузии получилось. – М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. – 271 с.

Соболева Н. Э., Москва

Gender attitudes in the world of work: cross-country comparison

Аннотация The article deals with factors determining work-related gender attitudes. With the spread of emancipative values the difference between gender roles becomes vaguer but is still strongly dependent upon country characteristics. While values are usually regarded as factors impacting socio-economic behavior, my research underlines less explored aspect: they are themselves formed and changed in the process of economic interactions. The objective is to assess the role of gender, education and employment characteristics among factors determining gender attitudes in different types of countries. The 5th wave of World values survey (2005-2008) serves as empirical base. The targeted group of population is 20-65. Work-related gender attitudes as well as gender gap in attitudes vary considerably by country. Nordic and other West European countries demonstrate equal gender attitudes and a small gender gap in attitudes. Middle Asian, Arabic and many African countries tend to share traditional gender attitudes. In Russia gender attitudes there is a huge gap between men's and women's gender attitudes. Such situation is characteristic for other post-Soviet and Eastern European countries as well.

Keywords: gender attitudes, cross-country research, labor market

Introduction

The main objective of the research is to reveal what factors impact individual gender attitudes in the world of work, in particular how strong is the impact of gender, education and job characteristics and how this impact varies among different types of countries.

Traditionally man is considered to be a breadwinner, while woman's main social role concerns taking care of children and household. However, today the difference between gender roles gradually becomes vaguer. This is an expected consequence of economic development. Changing gender patterns is one of the results of growing existential security and spreading self-expression values [12]. Nowadays emancipative values are shared by population of more and more countries.

In the developed countries child care institutions and services make household burden easier, and traditional life pattern centered on marriage and having kids is more often regarded as only one of possible alternatives. Women gain wider access to the labor market and become more successful in their careers. However different countries manifest different gender patterns. That is because other strong determinants of gender attitudes are cultural traditions, religion and history.

The special focus of this project refers to the effect of education and job characteristics on work-related gender attitudes. It is crucial to regard different aspects of education and job. As to education it is possible to take data about different levels of education. Unfortunately there is no data about education profile. At the same time we can observe different aspects of employment. I am taking into account not only formal characteristics like type of employment, position, industry but also type of job done. All these characteristics should impact the formation of work-related gender attitudes.

Both individual and country levels of analysis are of interest for us. On one hand, individual's position (including past work experience) affects attitudes. On the other hand the country presents a context for the individual and also contributes to formation of attitudes.

This project is focused first of all on such determinants of individual work-related gender attitudes as job characteristics and gender. However there are other determinants as well (family characteristics, education, religion, age, etc). On the societal level the attitude to work-related gender roles is largely dependent on characteristics of a particular country (cultural, religious, socio-economic, political, etc.).

Specific Contribution

Values are usually being explored as factors impacting socio-economic behavior.

A lot of research has been conducted to investigate how perceptions of gender roles influence wage gap and other formal job characteristics [5; 9; 10]. But the relation is more complex here. Work-related gender attitudes (which could be regarded as individual values) are themselves being formed and changed in the process of economic interactions. Gender attitudes have an impact on behavior (decisions about marriage, children, work, type of work, etc.) [3]. The behavior in its turn affects the formation of new attitudes.

The work environment cannot be comprehensively described solely by formal characteristics (wage, position) but also depends on the type of work done and atmosphere of the working place. These aspects form the specific work culture and hence may impact gender attitudes. Are these perceptions very much alike or rather different across countries? Which variables produce stronger impact – those of micro- or of macro level?

In my research I focus on individual aspirations and attitudes which reflect values better than objective economic indicators.

Theoretical Framework

In many papers the influence of gender attitudes on outcomes reflecting de *facto* gender equality in society is explored. For instance, Campa and others focus on the impact of individual gender culture and firm culture (preferences of hiring somebody) on gender gap in employment in Italy [5]. Fortin conducts analysis based on WVS and regards gender-related attitudes (like "When jobs are scarce, men should have more right to a job than women", "Being a housewife is as fulfilling as working for pay", "A working mother can establish just as warm and secure a relationship as a mother who does not work") as independent variables impacting the difference in economic outcomes by gender. Namely, she demonstrates that the first statement has the strongest impact on gender pay gap and female employment rates in OECD countries [9]. Francois and Ours concentrate on the role of household interaction affect (presence of spouse who can do household work) in the explanation of male and female wage gap [10].

A lot of research papers are devoted to cross-cultural specifics of gender issues of the labor market. Many focus on work-family conflict [2; 7]. Aycan focuses on cross-cultural differences of work-family conflict and demonstrates their dependence upon the place of work and family in the culture of a specific country.

Alesina et al. analyze the origin of cross-cultural differences in perceptions of gender roles stemming from historical differences in agricultural technologies [1].

Stickney&Konrad demonstrate that women with egalitarian attitudes earn more (in cross-cultural perspective), and for those who work longer hours the effect is stronger. To my mind this could to a large part be explained by the fact that working atmosphere itself contributes to the formation of egalitarian values. The authors embark from several theoretical conceptions [16]. According to social role theory, people adopt the attitudes which are consistent with the roles they occupy [6]. This could also be explained by the cognitive dissonance theory. When a social role does not match a gender-role attitude, the person is likely to change either the role or the attitude. When the behavioral change is impossible, people modify their attitudes [13]. Allocation of energy model posits that women are strongly affected by their household responsibilities. Hence, married women reduce the effort they expend on labor market work in order to save the energy for the family.

According to my model, de facto situation at work or in the family largely determine individual gender-related attitudes.

However I argue that work-related gender roles should not be treated as constant external variables while they are very likely to change due to the change of individual situation. It is possible to assume that they are formed during the process of work while the specific environment and perceptions of colleagues could have a profound impact on individual values. These individual values in their turn influence the behavior in future period.

There are some works written in this perspective but they were not focused mainly on gender roles.

Steel and Taras adhere to the viewpoint that culture should be treated as an affect and that the individual characteristics (like age, gender, generation, socio-economic status, education) determine cultural values to a great extent [15]. In this project I widen the range of these characteristics to those describing work and family environment.

Guiso et al. studied the impact of religion on various attitudes including working women (based on the WVS). They use the following measures of attitude to gender equality: "When jobs are scarce, should men have more right to a job than women?'', ''Do you think that women should have children in order to be fulfilled, or is this not necessary?'', ''Being a housewife is just as fulfilling as working for pay'' and ''A university education is more important for a boy than for a girl''. According to their findings, egalitarian attitude to women is positively associated with health, level of education high income. Old people and men are less tolerant towards women. Religious people have less progressive attitudes toward women, while atheists are more tolerant [11].

Some authors distinguish interest-based and exposure-based perspectives of analysis of work-related gender attitudes. According to the interest-based approach, the individuals that benefit from egalitarian work-related gender attitudes tend to share more egalitarian work-related gender attitudes. To this category refer women, work force and so on. As to exposure-based approach, individuals change their ideas and attitudes when they meet the situation that discord with these ideas. In respect to gender issues it is possible to point out work-force participation, education and socialization. By socialization is meant mother's work status and mother's education [3; 14].

Bolzendahl and Myers reveal the predictors of feminist attitudes according to these two perspectives. In their concept female attitudes comprise several aspects: opinions on abortion, sexual behavior, gender roles in the public sphere ((1) women should run their homes and leave running the country to men; (2) the respondent would vote for a woman for president; (3) men are better suited for politics) and family responsibilities: (1) a working mother can establish just as warm and secure a relationship with her children as a woman who does not work; (2) it is more important for a wife to help her husband's career than have one herself; (3) a preschool child is likely to suffer if her/his mother works; and (4) it is better if the man is the achiever outside the home and the woman takes care of the home and the family) [3]. In the framework of my research the two last aspects are the most relevant.

They analyzed male and female attitudes separately and demonstrated that deviation in female attitudes is higher. Both working status in the moment (interest-based perspective) and having worked in the past (exposure-based perspective) has more impact. Furthermore, feminist gender attitudes are promoted by divorced family status, younger age, higher education level, liberal political identification and less attending of religious services. For men the strong predictors for feminist attitudes are spouse work-life variables, absence of children, younger age, higher education, mother's education (more significant compared to women's), liberal political identification and no religion participation [3].

Another branch of research is devoted to the changing gender attitudes. Mick Cunningham showed that the support for the male breadwinner declined rapidly from 1977 to 1993 but then this tendency lessened. According to the panel data, women employment and education promote egalitarian work-related gender attitudes, women employment being the strongest predictor [8]. Pampel demonstrated that the change in gender attitudes was stronger for women than for men. According to the author, it is possible to distinguish three groups of causes of gender egalitarian views. They are the increase of women with higher education and good jobs (structural arguments), social and economic development (value shifts arguments) and adoption of new norms firstly by non-traditional and innovative groups (diffusion arguments) [14].

Braun, Gloeckner-Rist focused upon the comparison of work-related gender attitudes across countries [4]. For the classification of countries the authors used Esping-Andersen's classification according to which it is possible to distinguish a social-democratic type (mainly Scandinavian countries), a liberal type (mainly the Anglo-Saxon countries) and a conservative-corporatist type (mainly the continental European countries) and former Soviet type. 22 countries in ISSP of 1994 and 2002 served as a data base. Gender attitudes were measured by three items:

1. "A working mother can establish just as warm and secure a relationship with her children as a mother who does not work" (*warm relation*).

2. "A pre-school child is likely to suffer if his or her mother works" (*child suffers)*.

3. "All in all, family life suffers when the woman has a full-time job" (*family suffers*).

Hence, our basic model is as follows.

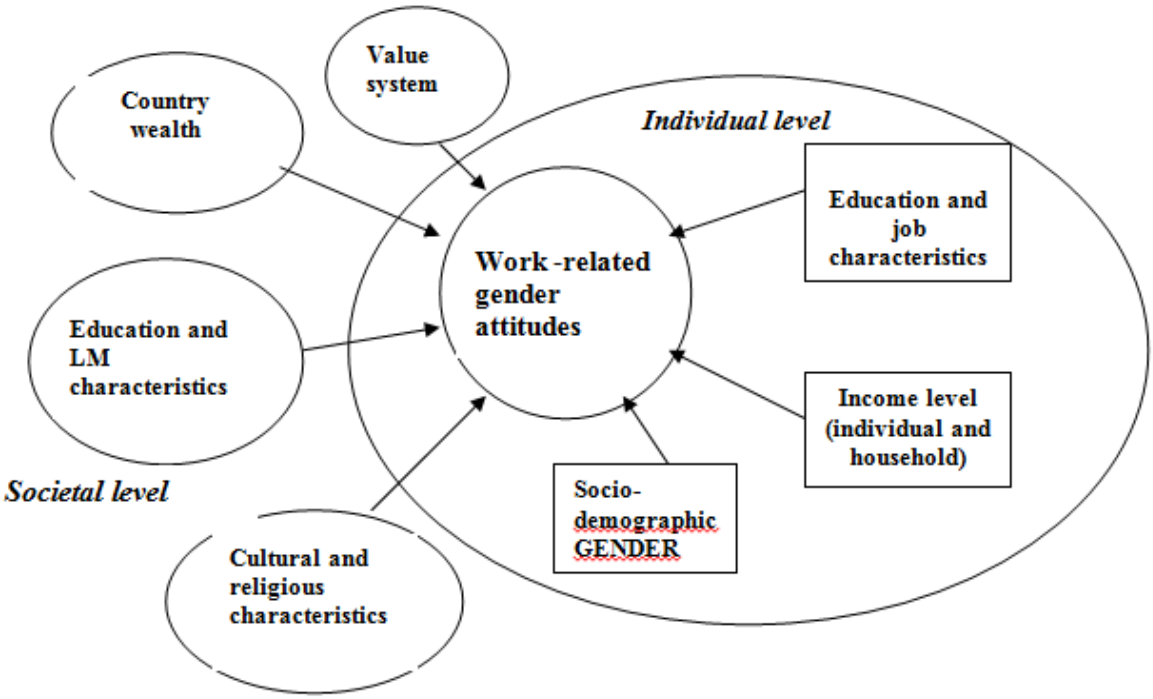

Figure 1. Research model

Core Variables and Hypotheses

I used the following indicators for the measurement of work-related gender attitudes:

- V45. When jobs are scarce, men should have more right to a job than women (3-point scale).
- V52. A university education is more important for a boy than for a girl (4-point scale).
- V53. On the whole, men make better business executives than women do (4-point scale).
- V51. On the whole, men make better political leaders than women do (4-point scale).
- V54. Being a housewife is just as fulfilling as working for pay (4-point scale).

Hypotheses

Gender-role attitudes are dependent upon a number of characteristics:

I. Country-level

1. The GDP (gross domestic product) per capita promotes egalitarian work-related gender attitudes.

2. In countries where women work and earn less (with higher employment gap and wage gap) women tend to share more traditional work-related gender attitudes.

3. The level of education and especially female education contributes to development of egalitarian work-related gender attitudes.

4. The degree of religiosity stronger promotes gender attitudes than the dominant religion in the country.

5. Population of Eastern countries tends to have more traditional work-related gender attitudes that population of Western countries.

6. In countries with less clash of values (which are not in transition) the difference between men' and women' work-related gender attitudes is less than in countries with more clash of values experiencing transition.

II. Individual level

Hypothesis 2. Women have more egalitarian work-related gender attitudes than men.

1. Gender.

Hypothesis 3. Those who have a paid job, who occupy higher position (entailing supervision), perform more intellectual, creative work activities and are more independent at their job are expected to have more egalitarian work-related gender attitudes.

Job characteristics

1. Employment type.
2. Type of organization.
3. Sector of employment
4. Supervising other people at work.
5. Type of tasks performed:
   - Manual or intellectual;
   - Routine or creative;
   - Degree of independence in performing tasks.
6. Being the chief wage earner in the household.
7. Fear of losing job.

Hypothesis 4. Educational attainment and higher social status are positively associated with egalitarian work-related gender attitudes, while the age and religious faith are negatively associated.

1. Age.
2. Highest educational attainment.
3. Religion.
4. Religious faith.

Hypothesis 5. Family characteristics and financial situation of the household are also likely to impact work-related gender attitudes.

Family characteristics

1. Marriage status.
2. Number of children.

Financial situation of the household

1. Income group (self-assessment).
2. Satisfaction with financial situation of the household.
3. Actions with money during past year.

4. Measurements of financial situation during last year.
5. Employment of the chief wage earner of the household.
6. Status of the family (self-assessment).

Targeted Data Base

World values survey 2005-2008 (5th wave).

The targeted group of population is 20-65 (those who are likely to be involved in the world of work and have family responsibilities).

Preliminary results

Nordic countries, Switzerland, France, Andorra, Netherlands, Germany, Spain and (surprisingly) Ethiopia demonstrate most equal gender attitudes. Such countries as Egypt, Jordan, Iraq, Qatar, Mali, Uzbekistan, Kyrgyzstan and Georgia tend to share less equal job-related gender attitudes. In Russia gender attitudes are diverse. For instance, 32% agree, 42% disagree and 26% neither agree nor disagree with the statement that "When jobs are scarce, men should have more right to a job than women".

Gender gap in attitudes also varies by country a great deal. In many European countries (like France, Netherlands, Spain, Norway, Sweden, Poland) there is almost no difference between gender attitudes of men and women. In countries with traditional gender attitudes like Egypt, Jordan or Iraq the gender gap is also relatively low. At the same, in post-Soviet countries (Belorussia, Russia, Ukraine as well as Estonia), in Eastern European countries (Serbia, Bulgaria, Romania), as well as in Ghana, Indonesia, Morocco and Zambia there is a huge gender gap.

These results may reflect cultural differences between countries. In some countries emancipative values are prevalent and shared by the majority of population, whereas in many others the overwhelming majority of population still share traditional values. In both cases the gender gap in attitudes should be low. The countries with a big gender gap are on their transition stage. It is quite logical that women are the first to realize their independence and quest for equal rights.

Literature

1. Alesina, Alberto, Giuliano, Paola, Nunn, Nathan. The Origins of Gender Roles: Women and the Plough (Preliminary). October 2010.
2. Aycan, Zeynep. Chapter 19. Cross-cultural approaches to work-family conflict / Handbook of Work-Family Integration, 1st Edition. Research, Theory, and Best Practices. Academic Press, 2008.

3. Bolzendahl, Catherine&Myers, Daniel J. Feminist Attitudes and Support for Gender Equality: Opinion Change in Women and Men, 1974-1998. Social Forces, Volume 83, Number 2, December 2004, pp. 759-790.
4. Braun, Michael, Gloekner-Rist, Angelika. Perceived consequences of female labor-force participation. A multilevel latent-class analysis across 22 countries. Obets. Revista de Ciencias Sociales. Vol. 6, n.º 2, 2011; pp. 163-184
5. Campa, Pamela, Casarico, Alessandra and Profeta, Paola. Gender Culture and Gender Gap in Employment (July 15, 2009). Università Commerciale Luigi Bocconi, Econpubblica Centre for Research on the Public Sector Working Paper No. 143.
6. Eagly, A. H., & Karau, S. J. (2002). Role congruity theory of prejudice toward female leaders. Psychological Review, 109, 573-598.
7. Carnicer, Maria Pilar de Luis; Martinez Sanchez, Angel; Perez, Manuela; Vela Jimenez, Maria Jose. Work-family conflict in a southern European country: The influence of job-related and non-related factors. Journal of Managerial Psychology; 2004; 19, 5; pg. 466.
8. Cunningham, M. (2008) Family Model: Influences of Women's Employment and Education over the Lifecourse. Social Forces, 87 (1) pp. 299-323.
9. Fortin , Nicole M.. Gender Role Attitudes and the Labour-market Outcomes of Women across OECD Countries. Oxford Review of Economic Policy, Vol. 21, Issue 3, pp. 416-438, 2005.
10. Francois, Patrick, van Ours, Jan. C. Gender Wage Differentials in a Competitive Labor Market: The Household Interaction Effect. IZA DP No. 202. September 2000.
11. Guiso, Luigi, Sapienza, Paola and Zingales, Luigi."People's Opium. The effect of religion on economic attitudes", Journal of Monetary Economics, 2003, 50, 225-282.
12. Inglehart, R& Welzel, Christian (2010) "Changing Mass Priorities: The Link Between Modernization and Democracy." Perspectives on Politics, vol 8, No. 2.
13. Kroska, A. (1997). The division of labor in the home: A review and conceptualization. Social Psychology Quarterly, 60, 304-322.
14. Pampel, F. Cohort Changes in the Socio-demographic Determinants of Gender Egalitarianism. Social Forces, Volume 89, Number (2011) pp. 961-982.
15. Steel, Piers&Taras, Vasyl. Culture as a consequence: A multi-level multivariate meta-analysis of the effects of individual and country characteristics on work-related cultural values. Journal of International Management 16 (2010) 211-233.
16. Stickney, L., & Konrad, A. M. (2007, September). Gender-role attitudes and earnings: A multinational study of married women and men. Sex Roles, 57, 801- 811.

Фирсова Н. Ю., Москва

What makes people feel free: Subjective freedom in comparative perspective[1]

Аннотация In this study a multi-level modeling approach is used to examine predictors of the subjective sense of freedom both at the individual level and at the country level, as well as the between-level interaction effects. It has been established that relationship between postmaterialist priorities and the subjective sense of freedom differ depending on the countries' degree of economic development. In more affluent countries subjective freedom is positively associated with postmaterialist priorities, while in less affluent countries this association is negative.

Keywords: subjective freedom, postmaterialism, cross-cultural research, multilevel regression analysis

Introduction

Why more people in some countries feel free, than in others? Why there is even a more pronounced variation in subjective feeling of freedom within each country? These questions became important since the link between subjective freedom, or feeling of agency, and subjective well-being has been established in the paradigm of the human development theory [Welzel and Inglehart 2010]. Quantitative estimates of the proportionate strength of subjective freedom's influence on the nation's well-being only reinforce the importance of studying predictors of the subjective freedom itself. According to one estimate, 30% in the change of the subjective well-being is explained by the sense of freedom of choice and control [Inglehart, et al. 2008]. Recent meta-analysis of national levels of well-being has demonstrated that wealth may influence well-being only through its effect on personal autonomy [Fischer & Boer 2011]. Earlier studies have spotted the link between perceived freedom and happiness to be stronger than between objectively measured political freedoms and happiness [Veenhoven 2001].

[1] The author is grateful to the reviewer of this project at the Laboratory for Comparative Social Research (LCSR), St. Petersburg Christian Welzel for his many valuable comments on all stages of the project and also for participants of the 2011-2012 LCSR workshops and a conference for their comments and suggestions, but the responsibility for the possible mistakes is mine alone.

Another avenue of research that could benefit from thorough examination of the subjective freedom predictors stems from the psychological self-determination theory of human motivation and optimal functioning [Deci & Ryan 2000]. According to a recent review of empirical studies under umbrella of this theory, autonomy relates to greater well-being across countries and cultures [Chirkov, Ryan, et al. 2010].

It could be questioned whether investigation into predictors of subjective freedom is a legitimate avenue for a sociological research. While no one would probably object its legitimacy within philosophy, economics or psychology, sociology developed as a "science of unfreedom" [Bauman 1988], offering explanatory mechanisms of why individuals cannot be free from structural influences. Therefore several lines of thinking in sociology seems deserving to be looked at with a focus on the balance between individual freedom and individual being a social animal.

Georg Simmel addressed the paradox of freedom of individual and his life in a society in his seminal work "The Philosophy of Money." The prominent idea of Simmel in relation to freedom is to explain the growth of individual freedom by the emergence of money economy and, as a consequence, impersonality. One of the numerous definitions of freedom analyzed by Simmel illustrates the way he saw the solution of the paradox:

"If freedom means the development of individuality, the conviction to unfold the core of our being with all its individual desires and feelings, then this category implies not a mere absence of relationships but rather a very specific relation to others" [Simmel 2004: 299].

These specific relations to others have been increasingly impersonal in modern times. Another quality that makes relationships liberating, according to Simmel, is purely intellectual character and absence of material interest. Critics of Simmel have noted that he was first in the German tradition of thought to distinguish between "negative" freedom from external constraints and "positive" freedom obtained through satisfaction from the control over resources [Levine 1981], - the distinction so brilliantly elaborated later on by Isaiah Berlin. I will touch more upon Simmel's insights while laying down theories put to test in the analysis.

Another great mind and founding father of sociology, Max Weber, is known across disciplines for his thesis of "iron cage and rationality." Earlier explorations of his thesis were reduced to the narrowing boundaries of the iron cage laid down on individual by the formal rationality expanding to various spheres of life. More thorough examination of Weber's work suggests less pessimistic view on freedom in modern times, allowing for some liberating consequences of rationality as well [Alexander 1987, Roth 1987, Levine 1981]. While it is widely accepted that Weber's argument was to relate increasingly rational bureaucratization and "the technical and economic conditions of machine production" [Weber 1930: 181] to the curtailments of freedom, the other side of his thinking about freedom remains largely overlooked.

Donald Levine made an attempt to explore Weber's ideas which connected rationalization to the growth of human freedom [Levine 1981]. Though Levine admits that Weber's comments on freedom are few and that he did not try "to articulate a typology of different kinds of freedom" [Levine 1981: 15], Weber was considered a sophisticated liberal of his time [Weber 2009] for a number of reasons. Levine distinguished two notions of freedom in Weber's work: *situational freedom* referring to external constraints and freedom in the subjective sense of *autonomy* referring to individual choices [Levine 1981: 16]. This distinction is important for Weber's argument because only specific type or rationality – formal – curtails specific type of freedom – situational - and only in spheres of economic and political action. The same formal rationality, for example, in the judicial sphere was believed by Weber to expand the possibilities of situational freedom. Subjective rationality, in its turn, is the *source* of autonomy according to Weber.

"we associate the highest measure of an empirical "feeling of freedom" with those actions which we are conscious of performing rationally — i.e., *in the absence of physical psychic "coercion", emotional "affects" and "accidental" disturbances of the clarity of judgment,* in which we pursue a clearly perceived end by "means" which are the most adequate in accordance with the extent of our knowledge." [Weber 1949:124-25]

The highest degree of subjective rationality is reflected in the ethic of responsibility, which "maximizes the freedom of actors to make their own decisions" [Levine 1981: 20]. From the point of view of a philosopher and scholar of Weber's contribution to the political science Sung Ho Kim "Weber's main problematic turned on the question of individual autonomy and freedom in an increasingly rationalized society" [Kim 2012].

This line of thinking was followed by early James Coleman, who described himself as Durkheimian, while being interested in how social order and individual freedom could be balanced [Marsden 2005: 3]. But in the rational choice theory, advanced by Coleman, rationality somehow almost dismissed freedom from the focus. The most recent terms coined for this fundamental question are micro-macro in the US tradition and structure–agency problem in the European tradition of sociology. While structure–agency debate is preoccupied with the question of what determines behavior: the capacity of individuals to act autonomously and make free choices or existing social arrangements and economic and political conditions; agency is a predetermined theoretical concept in it, or an "ideal" agency. But what determines agency? The contribution of this research is intended as the investigation into the subjective feeling of agency, which could be complimentary to an objective agency without diminishing its theoretical importance. It has been argued in a recent review of subjective freedom empirical studies that "'quantitative' or survey-based measures of agency, in the sense of people's self-evaluation of whether or not they are free to act as agents, is by no means uncharted empirical territory." [Alkire 2005: 218].

One might wonder how it is possible that sociology of freedom have not been founded yet. It was suggested that XX century philosopher and thinker Isaiah Berlin could serve as an inspiration to such project deemed important because if sociologists would be shy in exploring freedom, sociology will lose its critical edge in drawing line between individual and collective [Bertilsson 2011]. Perhaps no one after John Stuart Mill had articulated the individual-collective dilemma more elegantly: "Mankind are greater gainers by suffering each other to live as seems good to themselves, than by compelling each to live as seems good to the rest." Since freedom is still sometimes understood as an antipode[1] to society/socialization, not as necessary condition of its virtuous development, sociology of freedom sounds like an oxymoron. But where physics would be if only one pole of two was considered its object of study?

Theories and Hypothesis

Human agency (or subjective freedom, the terms will be used interchangeably in the article) is associated both with the characteristics of the individual and the society. Societal characteristics are related to both individual characteristics in question and subjective freedom. The nature of the study framework presupposes multilevel modeling for testing hypotheses. Multi-level analysis allows estimating of how much variance in the dependent variable is accounted for at different levels and for the diversity of its relationships with the explanatory variables across countries. The opportunity to estimate the effect of between-level interactions is of paramount importance while performing analysis of the diverse set of countries.

Macro associations

It has been established in several empirical studies and conformed by meta-analysis that country's prosperity affects subjective well-being not directly, but through subjective freedom [Fischer & Boer 2011]. This makes it really important to estimate the contribution of prosperity into subjective freedom.

Hypothesis 1. *People who live in more affluent countries have higher perceptions of individual freedom.*

Amartya Sen's definition of freedom did not overlook responsibility: "Agency freedom is freedom to achieve whatever the person, as a responsible agent, decides he or she should achieve." [Sen 1985: 203-4]. It would be difficult to operationalize the measure of individual responsibility, but it is possible to find an indicator of institutionalized responsibility at the societal level.

[1] Instead of a dictionary reference intended here, the author has to admit that from the three following dictionaries of sociology consulted, not one of them contained an entry for "freedom": *A Dictionary of Sociology*. John Scott and Gordon Marshall. Oxford University Press 2009. *Oxford Reference Online*. Oxford University Press; *Collins Dictionary of Sociology*. David Jary and Julia Jary. Glasgow: Harper Collins 2005.; *A Critical Dictionary of Sociology*. Raymond Boudon and François Bourricaud, Peter Hamilton (Trans.). London, Routledge 1989.

Hypothesis 2. *The higher level of the ethic of responsibility is, the higher are perceptions of individual freedom.*

Democratic rights seems as an obvious candidate for a positive relationships with the subjective freedom. Political rights allow people to to choose governing bodies and civil liberties – to control them. In Veenhoven's empirical study of freedom and happiness, subjective freedom, or perceived freedom as labeled by the author, is positively and significantly correlated with democratic rights and civil liberties on the country level [Veenhoven 2000: Scheme 5].

Hypothesis 3. *The more political rights and civil liberties are in the country, the higher are perceptions of individual freedom.*

Micro associations

Weber's account of human rationality is almost opposite to his "iron cage" argument: rationality deemed as precondition to human autonomy. Human rationality tend to increase with acquiring knowledge, or with education, thus we could put to test Weber's theory.

Hypothesis 4. *People with higher education have higher perceptions of individual freedom.*

Cross-level associations

Do postmaterialist priorities predict subjective sense of freedom and how is this influence moderated by a country's overall prosperity? According to Ronald Inglehart's research, Western societies have been undergoing transformation of values since 1970s, with postmaterialist values replacing materialist values [Inglehart 2008]. In affluent countries prosperity made people worry-free from the basic needs and prevalent values shifted towards autonomy and self-expression. The direction of relationship between postmaterialist priorities and subjective freedom should be reverse in less affluent countries, in which materialist priorities still prevail.

Hypothesis 5. *In more affluent countries the level of subjective freedom increases with higher postmaterialist priorities.*

Hypothesis 6. *In less affluent countries the level of subjective freedom decreases with higher postmaterialist priorities.*

Household income should have the same direction of relationship with subjective freedom as country's prosperity. I would suggest that in societies of abundance household income would be a less strong predictor of subjective freedom, than in societies of scarcity.

Hypothesis 7. *People with higher income have higher perceptions of individual freedom, but this relationship is less strong in more affluent countries.*

Data and Methods

Data

Data from 1999-2004 wave of World Values Survey and European Values Study (VS) was used to carry out the analysis. Overall 67 countries were surveyed during this period. Unfortunately, one or more contextual variables were missing for five countries and they were removed from the analysis. As a result, the data sample includes 60,740 respondents from 62 countries.

Dependent variable

Subjective freedom, measured by the VS score as an answer to the 'How much freedom of choice and control' question on a 1-10 scale. The following is the exact wording of the question: *A173. Some people feel they have a completely free choice and control over their lives, while other people feel that what they do has no real effect on what happens to them. Please use this scale where 1 means "none at all" and 10 means "a great deal" to indicate how much freedom of choice and control you feel you have over the way your life turns out.* The question was administered in the same format in equivalent translations in every country.

Independent Variables

Materialist and postmaterialist priorities. In order to measure them, the answers to questions asking about what people consider the most important[1] and what aims of the country they consider the most important[2] from the VS were used. The first choice was given twice as much weight compared with the second choice while the indices have been constructed. The Materialism index is defined by the following formula:

Mati=(e001=1)*1+(e001=2)*1+(e003=1)*1+(e003=3)*1+(e002=1)*0.5+(e002=2)*0.5+(e004=1)*0.5+(e004=3)*0.5

---

[1] E003. If you had to choose, which one of the things on this card would you say is most important? And which would be the next most important? First choice 1 'Maintaining order in the nation'; 2 'Give people more say'; 3 'Fighting rising prices'; 4 'Protecting freedom of speech'. E004. If you had to choose, which one of the things on this card would you say is most important? And which would be the next most important? Second choice 1 'Maintaining order in the nation'; 2 'Give people more say'; 3 'Fighting rising prices'; 4 'Protecting freedom of speech'.

[2] E001. People sometimes talk about what aims of this country should be in the next ten years. On this card are listed some of the goals which different people would give top priority. Would you please say which ones of these you, yourself, consider the most important? First choice 1 'A high level of economic growth'; 2 'Strong defence forces'; 3 'People have more say about how things are done'; 4 'Trying to make our cities and countryside more beautiful'. E002. People sometimes talk about what aims of this country should be in the next ten years. On this card are listed some of the goals which different people would give top priority. Would you please say which ones of these you, yourself, consider the most important? Second choice 1 'A high level of economic growth'; 2 'Strong defence forces'; 3 'People have more say about how things are done'; 4 'Trying to make our cities and countryside more beautiful'.

The Postmaterialism index is defined by the following formula:

Postmati=(e001=3)*1+(e001=4)*1+(e003=2)*1+(e003=4)*1+(e002=3)*0.5+(e002=4)*0.5+(e004=2)*0.5+(e004=4)*0.5

Both indices range from 0.5 to 3. And, as expected, the mean of the postmaterialism index in the group of affluent countries was higher than in the group of newly emerging market economies: 1.31 vs. 1.10 , while the mean of materialism index was higher in the group of newly emerging economies: 1.77 vs. 1.38 respectively.

The political rights and civil liberties combined index constructed from the Freedom House measures[1]. Both political rights and civil liberties were measured by Freedom House on a 1-7 scale, with 1 representing the most free and 7 the least free country. The combined index was constructed as a sum of the political rights and civil liberties indices, ranging from 2 to 14 respectively.

Freedom from government spending, as measured by the Heritage Foundation and Wall Street Journal[2]. Heritage Foundation economic freedom indices are graded on a 0-100 scale, with 100 equating the freest respective environment. Freedom from government spending indicates the level of both government consumption and transfers as a percentage of GDP.

Countries prosperity was operationalized with the World Bank (WB) gross domestic product (GDP) indicator GDP per capita in current US dollars[3]. Indicator was logged because of its right-hand skewness, following an established practice.

Household income was used from the VS self-reported scale of incomes[4]. Equal 1-10 scales may be incompatible between countries in terms of the real income, but it reflects perception of one's income regarding his/her reference group, thus providing suitable indicator of material resources.

Gender was controlled for with a reference group being "female".

Marital status was constructed as a binary variable with "married" as a reference group and non-married for everyone else.

Higher education was constructed as a binary variable with individuals that earned higher education as a reference group and "no higher education" for everyone else.

Age. Both age and age squared were used to control for age, as non-linear U-shaped relationship was expected between age and subjective freedom.

---

[1] Data were retrieved from www.freedomhouse.org in March 2011, for methodology of freedom indices see 2009 edition of "Freedom in the World" available at URL: http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=351&ana_page=354&year=2009.

[2] Data were retrieved in March 2011 from www.heritage.org for methodology of freedom from government spending index measurement see " 2011 Index of Economic Freedom", Methodology Appendix available at URL: http://www.heritage.org/index/PDF/2011/Index2011_Methodology.pdf.

[3] Data were retrieved in March 2011 from URL: http://data.worldbank.org/indicator.

[4] X047. Scale of Incomes. 1 'Lower step', 'Second step', 3'Third step', 4'Fourth step', 5'Fifth step', 6'Sixth step', 7'Seventh step', 8'Eigth step', 9'Nineth step', 10'Tenth step'.

Both the dependent variable and explanatory variables with the exception of minimum centered CDP per capita and maximum centered GDP per capita have been rescaled into zero to one scale and reversed when needed, so that higher values correspond to larger amount of what is being measured. Descriptive statistics of independent variables after rescaling could be found in Table 1.

Methods

Given that the dependent variable – subjective sense of freedom - is ordinal, the multilevel ordered probit regression was considered [Wooldridge 2002:504] as a research design, but multilevel linear regression has been ultimately chosen for two reasons. First, there exists a convention between social scientists that ordinal variables measured on more than five point scale could be treated the same as continuous variables. Second, the more parsimonious model should be given a preference.

Applying a multilevel analysis is normally considered as appropriate if the variance, accounted for by the level 2 ("group" level) is more than 5%. Intra-class correlation, or the proportion of variance in the subjective freedom that is accounted for by country, is 8.4% in the IVth VS wave. An attempt was made to calculate the proportion of variance in the subjective freedom accounted for by time, but the model did not converge. Thus, although pooled cross-sectional data of the VS allows estimating variance accounted for by time (while being highly unbalanced), we applied our analysis in the current report to the IVth wave of the VS data, preferring parsimony over gaining some additional precision of estimates.

Table 1

Descriptive Statistics of the Independent Variables

	N	Mean	SD	Range
Country:				
Political rights and civil liberties	62	0.67	0.31	0-1
Minimum GDP centered	62	2.81	1.53	0-5.36
Maximum GDP centered	62	2.54	1.53	-5.36-0
Log of GDP per capita	62	0.53	0.29	0-1
Freedom from government spending	62	0.57	0.29	0-1
Individual:				
Marital status*	89,413	0.58	0.49	0/1
Age*	89,251	0.30	0.19	0-1
Age squared*	89,251	0.13	0.14	0-1
Higher education*	89,413	0.12	0.33	0/1
Household income*	79,018	0.40	0.27	0-1
Postmaterialism index*	70,550	0.23	0.23	0-1
Gender*	89,383	0.52	0.50	0/1

*Variables mean-centered in the analysis.

Additional reason for limiting analysis to the IVth wave of the VS data was the necessity to choose either between smaller number of countries, predominantly affluent, surveyed in each wave from I through IV or larger number of countries, which are more diverse, and the last IVth VS wave. More spatial representation was chosen instead of the possibility to track changes over time in the smaller pool of countries because of the intention to test hypothesis both of the universal patterns of individual characteristics relationships to subjective freedom and how this relationships are moderated by the contextual characteristics of the country. For the estimation of multilevel models hierarchical liner modeling (HLM 7) was used.

Table 2 approximately here.

Findings and Discussion

First, it is worth mentioning regressors that were included in the prior versions of the model and which influence on the subjective freedom turned out to be statistically insignificant: measure of good governance[1], social tolerance (at the country level, measured with the VS data), economic freedom and its components as measured by Heritage Foundation and Wall Street Journal[2], with the notable exception of the freedom from government spending. Political rights and civil liberties, either combined or taken separately, also do not have significant effect on the subjective sense of freedom, but their composite measure was included into the final model. This result is counterintuitive and confronts the theory thus deserving some special discussion. At the individual level, materialist priorities did not demonstrate statistically significant association with the subjective freedom, as well as subjective health, financial satisfaction, and religiosity.

The final models, namely Models 1, 2 and 3, show that none of the study hypotheses are rejected, with the exception of hypothesis 3: *The more political rights and civil liberties are in the country, the higher are perceptions of individual freedom*, as can be seen from Table 2 (please, see in a separate file). In Model 2 the *minimum* value of log of GDP per capita was subtracted from each countries log of GDP per capita, while in Model 3, the *maximum* value of log of GDP per capita was subtracted, respectively. Such a transformation of the explanatory variables allows estimating comparable between-level interaction effects of postmaterialism with countries' well-being in the group of countries with relatively lower GDP (Model 2) and higher GDP

[1] Good governance 1996 indicator was used from the shared Pippa Norris dataset Democracy Crossnational Data,Release 3.0 Spring 2009. Retrieved in June 2011 from URL: http://www.hks.harvard.edu/fs/pnorris/Data/Data.htm. Methodology of constructing aggregate measure of good governance can be found in Kaufman, Kraay & Zoido-Lobatón 1999.

[2] The following economic freedoms were included into the prior version of the models: business freedom, trade freedom, fiscal freedom, monetary freedom, investment freedom, finance freedom, property freedom, labor freedom and freedom from corruption.

per capita (Model 3). In the Model 1, logged GDP per capita rescaled to 0-1 scale as regressor allow us to compare coefficients before contextual variables. Estimation of fixed effects with robust standard errors is presented in Table 2, as the number of level-2 units is sufficiently large [Raudenbush & Bryk 2002: 276].

The association between postmaterialist priorities of the population and subjective freedom, as moderated by the country's well-being, has opposite direction and almost the same magnitude in less and more affluent countries (slopes of the relationship were found to be -0.032 and 0.040, respectively). In more affluent countries people's postmaterialism is positively associated with their subjective sense of freedom. While in the group of less affluent countries, people with stronger postmaterialist priorities tend to feel less free, other things being equal. This finding can be explained by the differences in the prevalence of the postmaterialism, especially as compared to materialism, in these two groups of countries. In the group of affluent countries, postmaterialist values are prevalent, while in the group of countries with emerging markets, materialist priorities are. This finding is consistent with the work of Ronald Inglehart on postmaterialism [Inglehart 2008].

Country's prosperity is positively associated with the subjective freedom, and this relationship is statistically significant. Freedom from government spending has statistically significant association with subjective freedom; and this association is positive. What is also of special interest is the cross-level interaction effect of age and freedom from government spending. The effect of age on the sense of subjective freedom was found to be the strongest among all predictors at the individual level. Increase of age from minimum to maximum (as we have already reported, age was rescaled into zero to one scale) decreases the magnitude of the subjective freedom by 0.278. At the same time, this relationship is not linear: age tends to decrease subjective freedom more slowly as a person grows older (the effect of age squared is positive and statistically significant). Freedom from government spending also slows the decreasing effect of age on subjective freedom. This result is counterintuitive from the perspective of the well-being state, but could be explained by the feeling of autonomy from the state in countries, where social transfers are low. Low government spending is indicative of small government and people's self-reliance. Viewed from this angle, it seems to perfectly makes sense that after leaving the labor market it becomes important for your subjective freedom how responsible you felt for your future while being employed and whether you had appropriate strategy for providing decent living for yourself, or just decided to rely on government provision.

The association between household income and subjective freedom is positive and statistically significant both in countries with relatively larger and smaller GDP per capita, but is stronger in less affluent countries.

Among other results, it is worth mentioning that both being married and having acquired higher education have a positive effect on the sense of subjective freedom. At the same time, women, on average, feel less freedom of choice and control over their lives, as compared to men.

There could be several reasons why we did not find statistically significant effect of political rights and civil liberties on subjective freedom. First, the measure of political rights and civil liberties by the Freedom House could be politically biased, which has been for some time discussed in the literature and lately has been proven empirically for the period after 1988 [Steiner 2011]. Second, it could be the case that the theory relating subjective freedom to democratic regimes no longer holds true in modern societies. At the same time, countries' economic development and household income have a positive statistically significant association with subjective freedom in almost all the versions of the models, including preliminary analysis, which we ran. If this association does not support the Bauman's idea of transformation of freedom into freedom to consume [Bauman 1988] directly, it provides one more argument for testing it empirically. And finally, the measure of the subjective freedom in the VS could be constructed in such a way, that it does not allow differentiating between behavioral autonomy/freedom and psychological/intrapsychic autonomy [Chirkov 2011]. If it is still true that situational freedom, including political rights and civil liberties, matters for behavioral freedom, situational freedom is nonetheless seems to be orthogonal to psychological autonomy.

Though presented models do not have an extremely large explanatory power (3.5% of the variance is explained at the individual level and 21.2% at the country level), it offered some interesting insights into the predictors of the subjective sense of freedom in comparative perspective. Predictive power of the model was by no means the goal of the author, rather testing several hypotheses on the available data was.

Study suggests an important theoretical contribution to the human empowerment model, advanced by Christian Welzel [Welzel, forthcoming]. According to this model human empowerment consists of the following components: action resources, emancipative values, and democratic rights. Action resources increase capabilities to exercise freedom, emancipative values elevate aspirations to exercise freedom, and democratic rights extend entitlements to exercise freedom [Welzel, forthcoming]. Emancipative values are conceptualized as desire for independent choice and desire for equal opportunities. What is missing from the list of emancipative values, according to our results, is the readiness to assume responsibility. Freedom has already been linked to responsibility on a theoretical level [Weber 1949, Sen 1985] and institutionalized responsibility, if our suggestion to interpret low government spending as its indicator is right, has demonstrated association with subjective feeling of freedom in our study empirically.

Bibliography

1. Alexander, Jeffrey C. 1987. “The Dialectic of Individuation and Domination: Weber’s Rationalization Theory and Beyond.” Pp. 185-206 in Max Weber, Rationality and Modernism, edited by S. Whimster and S. Lash. London: Allen & Unwin.
2. Alkire, Sabina. 2005. Subjective Quantitative Studies of Human Agency. Social Indicators Research 74: 217-260.
3. Bauman, Zygmunt. 1988. Freedom. Milton Keynes: Open University Press.
4. Bertilsson, Margareta. 2011. Isaiah Berlin: On the Sociology of Freedom in eds. Edling, Christofer and Jens Rydgren Sociological Insights of Great Thinkers: Sociology through Literature, Philosophy, and Science.
5. Chirkov Valery I. 2011. Human Psychological Autonomy: Reflections on the Debates about its Understanding in Modern Psychology. Social Personality Psychology Compass 5(9): 609-20.
6. Chirkov, Valery I., Ryan, R. M., & Sheldon, K. M. (Eds.). 2010. Human autonomy in cross-cultural contexts: Perspectives on the psychology of agency, freedom, and well-being. Dordrecht: Springer.
7. Deci, E. L., & Ryan, R. M. (2000). The what and why of goal pursuits: Human ne and the selfdetermination of behavior. Psychological Inquiry, 11: 227-268.
8. Delhey, Jan. (2010). From material to postmaterial happiness? National affluence and determinants of life satisfaction in cross-national perspective. Social Indicators Research 97(1):65-84.
9. Fischer,Ronald and Boer,Diana 2011. What Is More Important for National Well-Being: Money or Autonomy? A Meta-Analysis of Well-Being, Burnout, and Anxiety Across 63 Societies Journal of Personality and Social Psychology, Vol. 101, No. 1, 164-184.
10. Inglehart, Ronald. 2008. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006. West European Politics 31:1-2 130-46
11. Inglehart, Ronald, Roberto Foa, Christopher Peterson and Christian Welzel, 2008. Development, Freedom and Rising Happiness: A Global Perspective 1981-2006. Perspectives on Psychological Science 3 (4):264-85.
12. Kaufmann, Daniel, Aart Kraay and Pablo Zoido-Lobatón. 1999. «Aggregating Governance Indicators.» World Bank Policy Research Working Paper No. 2195, Washington, D.C.
13. Kim, Sung H. 2012. «Max Weber», The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2008 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL: http://plato.stanford.edu/archives/fall2008/entries/weber/.
14. Levine, Donald N. 1981. Rationality and Freedom: Weber and Beyond, Sociological Inquiry, 51 (1): 5-25.

15. Marsden, Peter V. 2005. The Sociology of James S. Coleman. Annual Review of Sociology 31: 1-24.
16. Raudenbush, Stephen W. and Anthony S. Bryk. 2002. Hierarchical Linear Models: Applications and Data Analysis Methods. 2nd edition. Thousand Oaks, CA: Sage.
17. Roth, Guenther.1 987. "Rationalization in Max Weber's Dvelopmental History."P p. 75-91 in Max Weber, Rationality, and Modernism, edited by S. Whimster and S. Lash. London: Allen & Unwin.
18. Simmel, Georg. 2004 [1907]. Philosophy of Money, ed. David Frisby. Routledge.
19. Sen, Amartya K. 1985. Well-being Agency and Freedom: The Dewey Lectures. 1984. Journal of Philosophy 82(4): 169-221.
20. Snijders, Tom A. B., and Roel J. Bosker. 1999. Multilevel Analysis: An Introduction to Basic and Advanced Multilevel Modeling. London: Sage.
21. Steiner, Nils D. 2011.Testing for a Political Bias in Freedom House Democracy Scores: Are U.S. Friendly States Judged to be More Democratic? Paper prepared for presentation at the 6th General Conference of the European Consortium for Political Research, Reykjavík, 25-27th August, 2011.
22. Veenhoven, Ruut. 1999. Quality of Life in Individualistic Society: A Comparison of 43 nations in the Early 1990's. Social Indicators Research 48: 157-186.
23. Veenhoven, Ruut. 2000. Freedom and Happiness: A Comparative Study in Forty-four Nations in the Early 1990s. In E. Diener & E. Suh (Eds.), Subjective Well-being Across Cultures (pp. 257-288). Cambridge: MIT Press.
24. Veenhoven, Ruut. 2001. What Do We Know about Happiness. Erasmus University of Rotterdam, working paper.
25. Weber, Max. 1930 [1904]. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Translated by Talcott Parson. New York: Charles Scribner's Sons.
26. Weber, Max. 1949 [1922]. The Methodology of the Social Sciences, trans. Edward A. Shils and Henry A. Finch. Glencoe, Il,: Free Press.
27. "Weber, Max" A Dictionary of Sociology. John Scott and Gordon Marshall. Oxford University Press 2009. Oxford Reference Online. Oxford University Press. Higher School of Economics. 3 April 2012 URL: http://www.oxfordreference.com/views/ENTRY.html?subview=Main&entry=t88.e2485.
28. Welzel, Christian. Forthcoming. Breakthrough: People Power, Emancipation and the Quest for Freedom. (Unpublished manuscript).
29. Welzel, Christian and Ronald Inglehart. 2010. Values, Agency, and Well-Being: A Human Development Model. Social Indicators Research 97 (1): 43-63.
30. Wooldridge, Jeffrey M. 2002. Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data. Cambridge: MIT Press.

APPENDIX

Table A1

Countries and Contextual Variables Included in the Analysis

Country	Year	N	GDP per capita, USD	Political Rights and Civil Liberties	Freedom from Government Spending
Albania	2002	1000	1446.34	6	67.3
Algeria	2002	1282	1816.15	11	71.2
Argentina	1999	1280	7760.21	5	83.9
Austria	1999	1522	26359.00	2	3.2
Bangladesh	2002	1500	326.28	8	93.3
Belarus	2000	1000	1273.05	12	39.3
Belgium	1999	1912	24855.79	3	15.7
Bosnia and Herzegovina	2001	1200	1533.74	9	0
Bulgaria	1999	1000	1611.64	5	46.3
Canada	2000	1931	23559.50	2	41.9
Chile	2000	1200	4877.87	4	85.5
China	2001	1000	1041.64	13	94.1
Croatia	1999	1003	5058.13	8	38.4
Czech Republic	1999	1908	5853.56	3	44.8
Denmark	1999	1023	32701.84	2	0
Egypt	2000	3000	1422.73	11	54.4
Estonia	1999	1005	4147.48	3	50.8
Finland	2000	1038	23514.46	2	0
France	1999	1615	24170.49	3	7.6
Germany	1999	2036	26113.98	3	24.1
Greece	1999	1142	12350.27	4	55.8
Hungary	1999	1000	4692.956	3	12.8
Iceland	1999	968	31504.87	2	43.5
India	2001	2002	462.82	5	76.5
Indonesia	2001	1004	771.14	7	86.8
Iran	2000	2532	1584.12	12	79.7
Ireland	1999	1012	25643.20	2	53
Italy	1999	2000	21096.08	3	15.1
Japan	2000	1362	36789.22	3	63.3
Jordan	2001	1223	1826.221	10	61.1
Kyrgyz Republic	2003	1043	380.86	11	90.3
Latvia	1999	1013	3049.59	3	56.7

Country	Year	N	GDP per capita, USD	Political Rights and Civil Liberties	Freedom from Government Spending
Lithuania	1999	1018	3107.16	3	64.9
Luxembourg	1999	1211	49219.41	2	37.9
Malta	1999	1002	9396.18	2	41.9
Mexico	2000	1535	5934.98	5	92.3
Moldova	2002	1008	458.68	7	76.5
Morocco	2001	2264	1278.66	10	82.7
Nigeria	2000	2022	368.33	8	71.2
Pakistan	2001	2000	511.20	11	90.3
Peru	2001	1501	2043.83	4	92.3
Poland	1999	1095	4344.72	3	36
Romania	1999	1146	1584.84	4	65.1
Russia	1999	2500	1338.99	9	65.3
Saudi Arabia	2003	1502	9734.51	14	66.7
Singapore	2002	1512	21152.19	9	90.3
Slovakia	1999	1331	5546.66	3	17.6
Slovenia	1999	1006	11159.67	3	39.5
South Africa	2001	3000	2638.16	3	78.1
South Korea	2001	1200	10654.94	4	79.7
Spain	2000	1209	14421.94	3	47.1
Sweden	1999	1015	29220.04	2	0
Tanzania	2001	1171	277.45	8	94.1
The Netherlands	1999	1003	26033.31	2	26.2
The Philippines	2001	1200	898.74	5	88
Turkey	2001	4607	2906.19	9	73
Uganda	2001	1002	231.62	11	92.3
Ukraine	1999	1195	635.77	7	43
United States	1999	1200	33332.14	2	61.3
Venezuela	2000	1200	4818.71	8	86.8
Vietnam	2001	1000	415.39	13	86.8
Zimbabwe	2001	1002	820.36	12	61.1

Table 2

Multi-Level Linear Regression: Subjective Freedom, 1999-2004 Values Survey

Level 1 (60,740 Respondents) R2 **Level 2 (62 Countries) R2**	**Model 1** **3.51 %** **21.19 %**			**Model 2** **(min GDP centred)** **3.51 %** **21.19 %**			**Model 3** **(max GDP centred)** **3.51 %** **21.19 %**		
	b	t		b	t		b	t	
Intercept	.473	12.168**		.473	12.168**		.637	18.098**	
Political rights and civil liberties ***	.041	1.290		.041	1.290		.041	1.290	
Log of GDP pc****	.164	4.038**		.031	4.038**		.031	4.038**	
Freedom from government spending*****	.093	2.732**		.093	2.732**		.093	2.732**	
Marital status (1 = Married)	.009	3.136**		.009	3.136**		.009	3.136**	
Age Freedom from government spending Age squared	-.278 .191 .172	-8.112** 4.598** 4.031**		-.278 .191 .172	-8.112** 4.598** 4.031**		-.278 .191 .172	-8.112** 4.598** 4.031**	
Higher education (1 = Higher education)	.024	5.181**		.024	5.181**		.024	5.181**	
Household income	.184	7.411**		.184	7.411**		.059	4.101**	
Log of GDP pc	-.126	-3.612**		-.023	-3.612**		-.023	-3.612**	
Postmaterialism index	-.032	-2.020*		-.032	-2.020*		.040	3.741**	
Log of GDP pc	.072	3.151*		.013	3.151*		.013	3.151**	
Gender (1 = Female)	-.014	-3.685**		-.014	-3.685**		-.014	-3.685**	
Variance Components (Random Effects) Level 2	Variance Component		d.f.	Variance Component		d.f.	Variance Component		d.f.
Intercept Marital status (1 = Married)	.005 -.-	4594.5** -.-	58	.005 -.-	4594.5** -.-	58	.005 -.-	4594.5** -.-	58
Age Age squared	.030 .061	105.48** 111.76**	60 61	.030 .061	105.48** 111.76**	60 61	.030 .061	105.48** 111.76**	60 61
Higher education (1 = Higher education)	-.-	-.-		-.-	-.-		-.-	-.-	
Household income	.005	351.06**	60	.005	351.06**	60	.005	351.06**	60
Postmaterialism index	.001	140.50**	60	.001	140.50**	60	.001	140.50**	60
Gender (1 = Female)	.001	233.63**	61	.001	233.63**	61	.001	233.63**	61
Level 1	0.068			0.068			0.068		

Note: * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; Restricted Maximum Likelihood; Convergence: Main-Effect Model: 3 iterations; Cross-Level-Interaction Model: 31 iterations; the pseudo R2 for the multilevel regression models is calculated according to the simplified formula of Snijders & Bosker [1999: 105]

as measured by Freedom House * as measured by the World Bank ***** as measured by the Heritage Foundation and the WSJ

Щекотин Е. В., Новосибирск

Социальное благополучие и качество жизни: рискологическая модель измерения качества жизни

Аннотация В статье взаимосвязь социального благополучия и качества жизни. Качество жизни рассматривается с позиции рискологического подхода. Предлагается модель измерения качества жизни по критерию риска.

Ключевые слова: благополучие, уровень жизни, качество жизни, риск, измерение качества жизни

В отечественной научной литературе понятие «качество жизни» практически полностью подменяется понятием «уровень жизни». Л.А. Беляева справедливо отмечает: «В настоящее время не существует единодушного мнения в определении понятий «уровень жизни» и «качество жизни» и их опреционализации через систему показателей. Часто они используются как взаимозаменяемые, а перечни показателей, которые их описывают, во многом совпадают» [1, с. 33].

Чтобы избежать такого отождествления, определим «качество жизни» в самом общем виде как меру социального благополучия, а «уровень жизни» – как меру социального благосостояния. Безусловно, материальной базой благополучия является благосостояние, под которым в самом общем виде следует понимать «богатство, достаток, наживное добро» [2, с. 93]. Благосостояние мы связываем с понятием «уровень жизни» и, следовательно, с удовлетворением материальных и духовных потребностей людей.

О связи между категориями «качество жизни» и «благополучие» исследователи стали говорить уже достаточно давно. Например, Л. Леви и Л. Андерсон писали: «Под качеством жизни мы подразумеваем оценку совокупности условий физического, умственного и социального благополучия, как они понимаются отдельным индивидуумом и отдельной группой»[3, с. 18]. Дж. Ван Гиг отмечает, что «Качество жизни можно рассматривать как состояние благополучия» [4, с. 314].

Принципиальное различие между благосостоянием и благополучием кроется в содержании тех потребностей, которые охватывают данные понятия. Индийский экономист А. Сен, отмечает, что благополучие – это возможность людей реализовать свой потенциал человеческого существа. Благополучное общество это общество возможностей для расширения реальных человеческих свобод, детерминирующих его развитие. В неблагополучном, но благосостоятельном обществе такие возможности отсутствуют. В Докладе ООН о развитии человека за 2006 г. отмечается, что критерием прогресса человеческого общества является степень развития человека, возможности людей реализовать свой потенциал как человеческого существа [5, с. 263].

Благосостояние определяется условиями существования человека в сфере потребления и измеряется через социально-экономические показатели общего благосостояния людей (уровень жизни). Эти показатели включают доходы, потребление, жилищные условия, услуги образования, здравоохранения и т. д. Они могут операционализироваться как через систему статистических показателей, так и субъективных оценочных суждений. Уровень жизни как мера социально-экономического благосостояния отражает степень удовлетворения пяти «основных нужд» А. Маслоу (физиологические потребности, потребности в безопасности, социальные потребности, потребности в уважении и потребности в самореализации и самовыражении). Высокий уровень жизни, безусловно, является фундаментом социального благополучия.

Благополучие же представляет собой более широкий комплекс условий жизнедеятельности человека и включает в себя уровень жизни (меру социально-экономического благополучия), а также составляющие, которые относятся к экологической среде обитания, социальному благополучию, политическому климату, психологическому комфорту и т. д. Благополучие является общей характеристикой условий жизнедеятельности человека в обществе, это совокупность факторов, явлений, процессов, обстоятельств, которые позволяют человеку максимально реализовывать свои возможности. Качество жизни как мера социального благополучия характеризует общие условия, в которых протекает жизнь человека.

Концептуальную основу различения понятий «уровень» и «качество жизни» составляет «возможностный подход» А. Сена, который пересматривает содержание экономического развития в современном мире. Сен рассматривает процесс развития не как повышение материального или экономического благосостояния, а как процесс расширения «возможностей» людей. Цель развития – не увеличить производство, а позволить людям расширить свой выбор, совершать больше дел, жить долго, уберечься от болезней, которых можно избежать, иметь доступ к знаниям и т. д. Эти цели находят отражение в понятии «качество жизни».

Сен отмечает, что «подход человеческого развития требует от нас смотреть на людей не только как на «нуждающихся», но и как на личностей, которым важно сохранять (и даже расширять) свободу делать то, на что у них есть основания» [6, с. 28].

Когда появляются общества, где проблема базовых потребностей в целом решена, возникает необходимость переформулировать цели общественного развития, и такой целью становится развитие человека и расширение его возможностей. Понятие возможности предполагает неограниченный круг выбора и здесь целесообразно отказаться от индуктивного метода конструирования показателей развития, выбор которых зачастую осуществляется интуитивно (например, индекс развития человеческого потенциала). Необходимо говорить о конструировании условий, которые позволяют человеку свободно развиваться. Качество жизни как социологическая категория выражает, насколько условия человеческой жизни позволяют осуществлять такое развитие, насколько открыты и доступны возможности для развития человека.

В тоже время, выбор возможностей должен иметь разумные ограничения – человек вправе выбирать те возможности, которые не наносят вред другим людям, не ограничивают их возможности для развития. Представляется оправданным в этой связи использования «депривационного метода», т. е. качество жизни конструируется через систему показателей «лишения возможностей». Т.к. речь идет о возможности, т. е. таких событиях, явлениях, процессах, которые могут случиться, а могут и нет, то качество жизни следует операционализировать посредством индикатора, который учитывает этот элемент случайности. Наиболее точным индикатором человеческого развития как характеристики благополучия общества будет риск. Риск понимается как потенциальные ограничения, как угроза человеческим возможностям. Использование риска как индикатора качества жизни позволяет проектировать и управлять качеством жизни, т. к. риск является важным инструментом прогнозирования.

Такой подход опирается на интерпретацию понятия «качества», предложенную японским специалистом в области менеджмента качества Г. Тагучи. Тагучи обращает внимание на такую важную меру качества как потери, обусловленные продуктом. Согласно Тагучи, «качество – это потери, нанесенные обществу с момента поставки продукта». Тагучи отмечает важный момент – взаимосвязь между потерями общества и желательностью продукта. «Чем меньше потери, тем более желателен продукт (изделие)» [7, с. 132].

Качество жизни следует рассматривать как совокупность возможных потерь, которые может понести индивид и общество в процессе своей жизнедеятельности. Количественным выражением величины возможных потерь является риск. Таким образом, риски выступают характеристикой условий человеческой жизни, они отражают ограничения человеческой жизнедеятельности, опасности и угрозы, которые реально ухудшают положение человека в природном и социальном окружении.

Качество жизни – это совокупность возможных рисков, угроз и опасностей, характеризующая условия человеческой жизнедеятельности, реализация которых может привести к реальным неблагоприятным последствиям для человека. Под риском же будем понимать возможные события,

явления и процессы, последствия которых могут оказать неблагоприятное воздействия на различные аспекты состояния человеческой жизни, т. е. тем или иным образом могут ухудшать положение человека.

В этой связи предлагается рискологическая модель измерения качества жизни как меры социального благополучия. Эта модель качества жизни включает в себя следующую систему показателей:

1. Природно-технические риски: риски безопасности личности (индивидуальные риски); техногенные риски; природные риски; экологические риски.

2. Социальные риски: трудовые риски; риск бедности; риск заболеваний; социокультурные риски.

3. Финансово-экономические риски: риск утраты вложений/сбережений; риск снижения реального дохода; риск экономической нестабильности.

4. Политико-правовые риски: внешние политические риски; внутренние политические риски; правовые риски; риски политической эффективности.

Риски, возникающие в каждой из приведенных сфер человеческой жизнедеятельности, имеют свое специфическое содержание, которое обусловлено источниками и причинами этих рисков. В каждом из этих вариантов речь идет о разных явлениях действительности. Общим для всех этих типов рисков является то, что они выражают возможность появления неблагоприятных последствий в результате реализации определенных событий, явлений и процессов. Соответственно, реализация такого неблагоприятного исхода ухудшает положение субъекта риска в каждом из указанных вариантов.

Библиографический список

1. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // СОЦИС. – 2009. – № 1. – С. 33-42.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – СПб.: Диамант, 1996.
3. Леви Л., Андерсон Л. Народонаселение, окружающая среда и качество жизни. – М.: Экономика, 1979.
4. Ван Гиг Дж. Прикладная общая теория систем. – М.: Мир, 1981.
5. Доклад о развитии человека 2006. – М.: Весь мир, 2006.
6. Сен А. Политика в отношении климата как развитие человека//Доклад о развитии человека 2007/08. – М.: Весь мир, 2007. – С. 28-29.
7. Капырин В.В., Коренев Г.Д. Системы управления качеством. – М.: Европейский центр по качеству, 2002.